

Светлана Фатьянова

Безумная неделя,
или Майские хлопоты

16+

Светлана Фатьянова

**Безумная неделя, или
Майские хлопоты**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Фатьянова С.

Безумная неделя, или Майские хлопоты / С. Фатьянова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Нелегкий выдался понедельник у трех сестер. Новый начальник неожиданно увольняет Юлю. Сумеет ли она докопаться до причины и постоять за себя? За четыре дня перевоплотиться в другого человека – невыполнимая задача! Но может ли Сентябрина отказать, если об этом просит тот, в кого она тайно влюблена? Ответственность за младших – вечное бремя старшей сестры, и Майя несет его с достоинством. На сей раз проблемы сестер не рядовые, зато у Майи появился отличный помощник. Вот только честен ли он с ней? Разгадать тайну, восстановить справедливость, найти свою любовь – и на все у сестер лишь одна неделя!

Содержание

Понедельник	5
Юля	10
Майя	16
Юля	30
Сентябрина	37
Вторник	43
Майя	44
Сентябрина	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Понедельник

– *Таков ваш план?*
– *А что, есть возражения?*
– *Конечно, нет, куда уж там...*
– *Значит, приступаем. Действовать нужно быстро.*
– *Боюсь, наш золотой мальчик на это не подпишется.*
– *Его согласие – ваша забота.*
– *Понимаю. Постараюсь его убедить. Думаю, он поймет всю степень своей ответственности и сделает то, что требуется. В конце концов, это в его же интересах.*

– Очень хорошо. И главное – оригинально. Но все-таки для полноты картины чего-то не хватает. Что вы об этом думаете, милочка? – Красиво нарисованные брови Софьи Рудольфовны взмывают вверх.

Вместо ответа я покрепче сжимаю зубы, дабы не высказать то, что я действительно думаю, и с тоской обзираю дело рук своих.

Ладно, не будем преувеличивать, не совсем своих. Принт с видом африканских джунглей, занимающий не только всю стену, но и переходящий на пол и потолок, а также мастерски вписанный в него декоративный водопад – это мамино творение. Систему освещения изготовила дружественная организация по индивидуальному проекту. А вот растительное наполнение, представленное диким многообразием тропических цветов, пальм и лиан – уже полностью моя вина.

Работа, собственно говоря, выполнена безупречно. Все растения здоровы, сочетаются друг с другом, требуют примерно одинаковых условий содержания и при должном уходе будут еще долго радовать глаз хозяйки буйным цветением. Софья Рудольфовна получила желанный «кусочек дикой природы», и если её не волнует, что гости или случайные посетители рискуют заработать мигрень от смещения красок и ароматов, я тоже постараюсь из-за этого не переживать.

Довольно скромные жилищные условия не заставили мою клиентку умерить аппетиты, так что я просто сломала голову, пытаюсь разместить на выделенном мне небольшом пространстве всю затребованную заказчицей флору, но в итоге неплохо справилась с задачей. В моем распоряжении была примерно треть обычной жилой комнаты, ставшей теперь оригинальным образчиком эклектики, где густая трава переходит в шерстяной ковер, водопад отражается в заполненной хрусталем стенке, над массивным комодом возвышается пальма, а лиана цепляется за телевизор. К счастью, не мне здесь жить, а клиентка как будто всем довольна ...

Стоп. Судя по последним словам, у клиентки возникли претензии. Ей, видите-ли, «чего-то не хватает». Чего, интересно? Парочки мартышек на люстре или удава в кадке с инжиром? На мой взгляд, ощущается лишь серьезный дефицит здравого смысла, чувства меры и гармонии.

– Вас не устраивает интерьер или растения? – пытаюсь я уточнить.

– Нет-нет, мне все очень нравится, – живо отзывается Софья Рудольфовна. – Просто неясное ощущение... Как будто у нас получилось слишком красиво. Мне кажется, нужен какой-то грубый штрих для большей естественности. Все-таки Африка, джунгли, опасности...

– Здесь есть хищники, росянка, например, – осторожно напоминаю я. – Можете кормить её мухами.

– В самом деле? И где же она? Ой, такой милый невинный цветочек, – разочарованно тянет Софья Рудольфовна, проследив направление моего взгляда.

Боже, дай мне терпения! Чего она ожидала, клыков и крови? Аквариум с акулой здесь точно не поместится.

– Боюсь, по части растений ничего грубого я вам предложить не могу. Можно попытаться разбавить цветы чем-нибудь гнилым или засохшим, но это должен быть искусственный материал, то есть имитация.

– Вы говорите, засохшее? Звучит неплохо... – задумывается Софья Рудольфовна.

– Значит, вы хотите доработать дизайн, – заключаю я. – Я передам ваши пожелания Марте Валерьевне.

Вот так. И пусть мамуля разбирается с очередными закидонами капризной клиентки.

– Будьте столь любезны, милочка, – кивает Софья Рудольфовна. – Вы ведь поняли, что я имею в виду, не так ли?

– Конечно, вы все прекрасно объяснили.

– Вот и славно, – безмятежно улыбается Софья Рудольфовна. – Жду вас в среду в обычное время.

Стремясь поскорее выбраться с зараженной безумием территории, я почти бегом спускаюсь по лестнице, выскакиваю на улицу и невольно жмурюсь от яркого майского солнца.

Какое блаженство! Скромный городской пейзаж – это именно то, что нужно сейчас моим бедным нервам. Неприязательность, простота, нежные весенние краски – словно бальзам на душу!

Я позволяю себе бездумно постоять, почти уткнувшись носом в распускающийся куст сирени, и вскоре прихожу в хорошее настроение. Сегодня понедельник, значит, до среды у меня почти два дня передышки. В среду требуется всего лишь проверить, как прижились некоторые особо капризные растения, а к воскресенью работы над тропиками в любом случае завершатся и африканские заросли будут представлены на суд дамского клуба. Софья Рудольфовна явно надеется произвести фурор. Вот только неизвестно, что станет с бедными цветочками после знаменательного чаепития...

Скоро будет три года, как я работаю в фирме «Цветной мир», куда я устроилась еще на пятом курсе биофака. Сперва я попробовала себя в ландшафтном дизайне, но быстро переключилась на комнатные растения. Не подумайте только, что я продавец-консультант в одном из наших магазинов. Я выполняю индивидуальные заказы и работаю на дому у клиентов: помогаю людям разобраться с уже имеющимися у них цветами, подбираю новые растения, рассаживаю, пересаживаю, лечу, прививаю (или учу, как это делается).

Многие из заказчиков, начав с азов, под моим чутким руководством превратились в настоящих профессионалов. Своими цветами они полностью занимаются сами, а мне присылают фотоотчеты, получая в ответ заслуженные восторги и комплименты. Честно говоря, мой босс поначалу весьма скептически воспринял идею обучать клиентов нюансам цветоводства. Он предрекал, что в результате я останусь без заказов, но уже через полгода признал, что моя тактика, напротив, увеличивает прибыль. Все очень просто: едва мои цветоводы-любители обретают уверенность в своих силах и знаниях, как они начинают усложнять себе задачу и регулярно приобретают все новые растения, удобрения, добавки, горшки и многое другое из богатого ассортимента наших салонов. А также рекомендуют меня всем своим знакомым. Так что без дела я не сижу, уж поверьте.

Тех, кто хочет дома красоту и чистый воздух, но не желает лично копаться в земле, тоже достаточно. Такие клиенты периодически приглашают меня для консультаций и проведения необходимых процедур. И мне бы очень хотелось, чтобы Софья Рудольфовна, никогда не державшая в доме даже кактусов, и вдруг, на седьмом десятке, ставшая обладательницей «кусочка джунглей», избрала именно этот путь. Эстетические придирки не играют никакой роли, когда идет речь о жизни цветов. Вот только я не уверена в том, что моя последняя клиентка осознает, что растение – это не то же самое, что коллекционная статуэтка, редкое издание и тому подобная ерунда, которой они хвастаются друг перед другом в своем дамском клубе.

Наверное, пора теперь рассказать про этот самый клуб.

В начале марта я работала над очень интересным заказом. Молодая семья пожелала озеленить свою новую квартиру, и мне требовалось учесть наличие маленьких детей, домашних животных, отсутствие опыта ухода за цветами и регулярные поездки на отдых в теплые края.

Как-то раз, когда я почти заканчивала пересадку традесканции, семью удостоила посещением свекровь. Вы только не подумайте, что это любящая бабушка захотела навестить внуков, или, напротив, бдительная мамаша пришла с инспекцией, дабы в очередной раз с горечью констатировать, что её драгоценного сыночка не холят и не лелеют так, как он того заслуживает. Нет, это был визит скучающей королевы, решившей осчастливить подданных лицемерием своего царственного лика. Дав пару ценных указаний относительно меблировки комнат и воспитания детей, величественная дама устроилась в кресле у чайного столика, откуда ей было весьма удобно наблюдать за моей работой.

Я к этому отнеслась вполне спокойно, тем более, что невестка имела, по всей видимости, железные нервы и едкие комментарии свекрови пропускала мимо ушей. И так бы все это закончилось без последствий, если бы пожилая леди не узрела на столике рекламу нашей фирмы. В итоге через час я получила еще одного клиента и трех в перспективе.

Подробности о клубе я узнала немного позже. Оказывается, четыре приятельницы пенсионного возраста решили разнообразить свой досуг. Семейное и имущественное положение у них было примерно одинаковое: все они или овдовели или развелись, проживали отдельно от взрослых детей и имели некоторые сбережения. Раз в две или три недели одна из них устраивала прием в своей квартире, посвященный какой-нибудь заранее выбранной теме, абсолютно произвольной. Так, за прошедший год это были: книги, предметы антиквариата и выпечка. Задачей принимающей стороны было обеспечить обильное угощение и раскрыть выбранную тему на свое усмотрение.

И вот свекровь моей клиентки посетило озарение относительно тематики ближайших сборищ. Она решила, что это должны быть растения. Действовала мадам молниеносно. Не успела я опомниться, как она согласовала вопрос не только с приятельницами, но и с моим руководством, внесла аванс и осчастливила меня заявлением, что я должна устроить в её лоджии зимний сад.

Подобные заказы наша фирма уже выполняла, так что мы легко превратили огромную лоджию заказчицы в цветущий оазис. Следующая дама из клуба потребовала для себя вертикальный сад, с которым тоже сложностей не возникло. Третья, на мой взгляд, поступила умнее всех. Она решила, что будет выращивать только полезные растения: лекарственные или съедобные. В итоге она обзавелась грядками с зеленью на подоконниках, лимонным деревом и даже карликовым гранатом.

Четвертой была Софья Рудольфовна. В своем стремлении превзойти соперниц она не жалела ни сил, ни денег, ни здоровья. Объявив, что ей нужны настоящие африканские джунгли, Софья Рудольфовна весьма придиричиво отнеслась к моему выбору растений. Она неплохо владела интернетом и дни напролет просиживала за компьютером, выискивая названия экзотических цветов, требуя затем их немедленной доставки на дом. Если бы я выполнила все её пожелания, самой Софье Рудольфовне в квартире уже негде было бы приткнуться, разве что в гнезде на одной из пальм. В конце концов мы пришли к определенному согласию, но, боюсь, Софья Рудольфовна так и осталась при подозрении, что самый лучший и экзотический цветок я от неё утаила.

Я звоню маме и озадачиваю её «грубым штрихом», после чего задумываюсь, как бы мне провести остаток дня. Точнее, большую часть дня, поскольку сейчас всего одиннадцать утра. Заказов на сегодня больше нет, в салоне меня не ждут, так что я могу проводить время в свое удовольствие. В выходные я вкалывала с утра до вечера, и сейчас мне больше всего хочется

просто расслабиться и отдохнуть. К сожалению, домой с подобными намерениями лучше не соваться. Мама в очередной раз испробует новаторские идеи на собственной кухне и прихожей, поэтому в квартире грохочут перфораторы, мельтешат рабочие и все насквозь пропахло краской.

Итак, решено. В дом, где сейчас даже душ нельзя спокойно принять, я не пойду, а загляну лучше к Майе и проверю, как там себя чувствуют фиалки.

Майя – это моя старшая сестра. Да, я же еще сама не представилась! Впрочем, на это есть причина – не люблю я сходу выкладывать свое имечко. А зовут меня Сентябрина, забавно, правда? Я родилась пятнадцатого сентября, так что шансы на нормальное имя попросту отсутствовали. Сейчас объясню. Когда моя любимая мамочка появилась на свет, бабушка с дедушкой никак не могли прийти к согласию относительно имени малютки. Бабушка предлагала Анну, дедушка мечтал о Марии, каждый отстаивал свой вариант и не собирался сдаваться. В результате, через несколько дней непрекращающихся баталий, бабушка приняла решение: не будет ни Ань ни Мань, родилась дочь в марте, значит, и звать ее Мартой. Дедушка, как ни странно, возражать не стал.

На четвертом курсе строительного института мама вышла замуж за одноклассника и в мае родила девочку. Как вы понимаете, дочку назвали Майей. Первый мамин брак продлился недолго, вскоре по окончании ВУЗа родители Майи оформили развод. А через несколько лет мама познакомилась с Сергеем Олеговичем, вдовцом, воспитывавшим маленькую дочь. В Сергея Олеговича мама влюбилась (взаимно, разумеется), к его дочурке моментально прикипела душой, а когда узнала, что девочка родилась в июле и зовут её Юлией, то узрела во всем случившемся руку судьбы.

Последовал второй брак, и вскоре появилась я. Если бы мой день рождения был, скажем, зимой, маме пришлось бы сменить пластинку, но сентябрь не оставлял места для сомнений. Конечно, я могла бы родиться парой недель раньше или позже, да толку? Шансов, как я уже заметила, не было. Я только порой задумываюсь, что бы в этом случае выбрала мамочка? Августа или Августина? Октавия или Октябрина?

Пустые размышления. Хрень редьки не слаще.

Не то, чтобы я считала свое имя таким уж кошмарным, но поймите, от него даже нормальное уменьшительное не образуешь! В школе меня звали Сеней, словно я какой-то мальчишка!

Юля с Майей, хоть и не родные, всегда были привязаны друг к другу. Шестилетняя Майя с первого взгляда прониклась нежностью и заботой к трогательному белокурому существу с огромными голубыми глазами, а Юля с готовностью подчинилась опеке. С самого детства и по сей день Майя для неё – непререкаемый авторитет, поддержка и опора. Надо признать, и для меня тоже. Из всей нашей семьи, включая родителей, Майя – самая здравомыслящая, практичная, надежная и решительная. Не удивительно, что уже к тридцати годам она занимает руководящую должность.

А еще Майя невероятно элегантная. Брючные костюмы, которые она обычно носит на работе, сидят на ней так, что хочется удавиться от зависти, густые каштановые волосы будто сами собой укладываются в идеальное каре, безупречно подобранные шейные платки оттеняют тонкие черты. И даже россыпь веснушек не портит, а лишь смягчает немного строгое лицо и добавляет ему очарования.

А наша Юля, без сомнения, самая красивая. Это не мое пристрастное мнение, а очевидный факт. Судите сами: натуральная блондинка, глаза голубые, скулы высокие, фигура стройная, ноги длинные. Что забавно, такой подарок судьбы Юлю никогда особо не радовал. С юных лет она мечтала о карьере юриста и переживала, что с внешностью куклы Барби её не станут воспринимать всерьез. Сейчас она немного успокоилась на этот счет, вероятно потому, что получила должность юриста в крупной компании исключительно за счет ума, знаний и трудо-

любия. Несмотря на то, что в их фирме нет особого дресс-кода, на работу Юля всегда надевает деловые костюмы тусклых тонов с юбкой не выше колена и укладывает волосы в улитку. Так, по её словам, она дает правильный посыл окружающим. Подозреваю, сестра втайне жалеет о том, что хорошее зрение не позволяет ей довершить образ офисной стервы строгими очками.

Я на фоне своих великолепных сестер смотрюсь... допустим, не дурнушкой, но уж простушкой точно. Правда, они обе уверяют, что я очень даже симпатичная, и порой я готова им поверить, но слишком часто меня приводит в отчаяние невозможность справиться с копной вьющихся волос, которые умудряются вылезти даже из тщательно уложенного узла. А этот глупый румянец во всю щеку! И слишком пухлые, какие-то детские губы! Впрочем, у Майи такие же губы, но даже с ними она выглядит начальницей, в то время как я больше похожа на сбежавшую с уроков старшеклассницу. Добавим сюда тот факт, что я едва достигаю среднего роста, но упорно предпочитаю спортивную обувь без каблуков, не жалею украшения и почти не пользуюсь косметикой, и картина будет полной.

Больше всего на свете я люблю возиться с цветами. Наша квартира просто утопает в лелеемой мною зелени. Мамуля, уважающая чужое творчество, всегда обсуждает со мной свои планы очередной перестановки в доме, дабы случайно не нарушить условия произрастания цветочков. Более того, сообразив, какое простор для фантазии дизайнера по интерьерам предоставляют собой всевозможные цветочные горшки, кашпо, тумбы и подставки, она стала активно использовать это в своих коммерческих проектах, рекомендуя при этом в качестве поставщика растений мою фирму.

Само собой, в моем ведении находятся цветы родственников, друзей и знакомых. Когда три года назад Майя приобрела квартиру, я немедленно воспользовалась случаем и оккупировала все подоконники. Майя не сопротивлялась и выдвинула всего одно условие: она занимается только поливом. Наивная! Я и не собиралась допускать её до чего-либо более сложного.

Майина квартира – любимое убежище для нас с Юлькой. Майя выдала нам ключи, велев лишь ставить её в известность о визитах. Сейчас квартира, несомненно, пустует – в отличие от меня у сестер нормальный рабочий день с девяти до шести. Я набиваю Майе сообщение и, направляясь к остановке, почти мурлычу в предвкушении удовольствия. Тишина, теплая ванна, пицца на дом и романтическая комедия – о чем еще можно мечтать?

Через полчаса я выхожу из маршрутного такси. До Майино дома уже рукой подать. Я открываю в телефоне сайт пиццерии и прямо на ходу пытаюсь сделать выбор.

Ой, а что это Юля тут забыла посреди рабочего дня?

Я машу сестре, сидящей на лавочке у подъезда, но она никак не реагирует. Мне становится не по себе. Я осторожно приближаюсь и тихо спрашиваю:

– Юль, что случилось?

Сестра вздрагивает. Я с ужасом замечаю, что её трясет мелкой дрожью, она бледна как мел, а взгляд оцепенелый.

– Юля, что с тобой? Ты заболела? – теперь я почти кричу.

И тут из Юлиных глаз начинают градом катиться слезы.

Юля

Жизнь прекрасна! Да-да, я готова утверждать это даже в понедельник, в восемь утра, трясясь в переполненной маршрутке. Отдавленная нога тихо ноет, дышать трудно, поскольку девица справа чавкает жвачкой, а парень слева переборщил с парфюмом, но это такие мелочи! К тому же, никто не терзает мои уши слезливыми песнопениями о суровых буднях правонарушителей, а ведь еще совсем недавно почти любая поездка в маршрутных такси сопровождалась изощренными аудиопытками.

Обычно я по утрам не столь терпеливая и благожелательная, но сегодня ничто не может испортить мне настроения. Все потому, что сегодня истекает мой испытательный срок. Несколько рабочих часов – и я полноправный член коллектива ЗАО «Атлант». В пятницу начальница сказала, что вполне мной довольна и велела подготовить соответствующий приказ. Моя душа как воспарила на седьмое небо от счастья, так с тех пор оттуда не спускалась.

Конечно, мне бы хотелось начать жизнь в новом статусе прямо с понедельника, но ничего не поделаешь. Как говорят, нам бы еще день продержаться. К счастью, рабочие дела у меня в полном порядке, никаких катаклизмов не предвидится, так что насчет «продержаться» – это я только так, для тонуса.

Я заблаговременно продвигаюсь к выходу и выбираюсь из автобуса без потерь. Сразу за остановкой – высоченное офисное здание, два этажа которого занимает фирма, в которой я работаю три месяца без одного дня. Прежде я работала в том же здании, но в другой организации, а еще раньше трудилась в небольшой конторе на противоположном конце города.

Не подумайте, что я прыгаю с места на место, ничего подобного. Свою карьеру я распланировала уже давно, и четко придерживаюсь плана. Три года назад я закончила юрфак, на котором, к сожалению, проторчала лишний год. На третьем курсе меня угораздило подхватить бронхит перед самой зимней сессией. Поглощенная учебой, я не отнеслась к недугу с требующейся серьезностью, в результате чего оказалась в больнице с воспалением легких. Выздоровливая я медленно, но все-таки выкарабкалась и собралась как следует приналечь на занятия, но этому категорически воспротивилась мама-Марта. Она настояла на том, чтобы я взяла академический отпуск и отправилась долечиваться в санаторий. В общем, год пропал. Осенью я вернулась на третий курс и больше осечек не допускала.

Училась я довольно хорошо, хоть и терялась на фоне звезд факультета, умеющих полемизировать без устали. Я в ораторском искусстве не преуспела, поэтому в адвокаты никогда не рвалась и видела себя, скорее, юристом коммерческой организации. Работа с документами, консультирование и сопровождение сделок – это мне и по душе, и по способностям.

Дипломную практику я проходила в строительной фирме Майиного папы, где не жалея сил носилась по поручениям и тщательно изучала все, что оказывалось в пределах досягаемости. Но, к сожалению, окончание моей учебы совпало с очередным финансовым кризисом. Возможно, дядя Леша и взял бы меня на постоянную работу, но я прекрасно знала, что еще один юрист его организации в условиях кризиса и соответствующего снижения заказов нужен как рыбка зонтик. Поэтому я решила рассчитывать только на себя и через пару месяцев устроилась офис-менеджером в небольшую контору, занимавшуюся полиграфией. А еще через год с небольшим я нашла работу секретаря приемной весьма солидной организации.

Родственники сперва не поняли, почему я решила даже не сменить шило на мыло, а понизить статус, но у меня имелся свой расчет. Там, где я трудилась офис-менеджером, особого опыта я получить не могла, да и шансов на повышение не было. В качестве секретаря генерального директора серьезной развивающейся компании я получила доступ к самым разнообразным документам: договорам, сметам, стратегическим планам; к тому же я знакомилась с важными людьми и вообще держала руку на пульсе. Особенно значимым для меня было

то, что фирма занимала только часть огромного офисного здания, в котором находилось еще много других, весьма перспективных организаций, где рано или поздно вполне могла образоваться заманчивая вакансия. Я собрала нужную информацию, осчастливила кадровые службы своим резюме и получила-таки желанный результат: меня взяли младшим юристом в фирму под названием «Атлант».

Я поднимаюсь на лифте на пятый этаж, киваю охраннику, скущающему за своей стойкой, и бодрой походкой устремляюсь по коридору.

Слава небесам, наше руководство не пошло на поводу у всеобщей моды и не засадило персонал в общий аквариум. Каждому отделу выделено свое вполне комфортное помещение. Как обычно, двери в отделы стоят нараспашку, и, проходя мимо, я так и чувствую разливающееся повсюду непривычное для раннего утра возбуждение и оживление. Не удивительно – грядут перемены, причем весьма приятные. Сделка века, последние три месяца подготавливаемая как нашим, так и московским филиалом, вот-вот состоится. Новые масштабы деятельности, расширения, перемещения, повышения и премиальные – еще немного, и все это претворится в жизнь.

В нашем юротделе пять сотрудников, не считая начальницы, и все приходят на службу примерно в одно и то же время, нет ни ранних пташек, ни хронических опаздывающих. Впрочем, с опозданиями у нас строго, запросто можно лишиться премии. Миша, как обычно, возиться с кофеваркой – дозу кофеина, необходимую ему для работы, он набирает только часам к десяти, заместитель начальника Юрий Львович проверяет почту и бегло просматривает новости спорта, Алла пьет чай, а Наташа крутится перед зеркалом.

Я убеждаюсь, что поездка на автобусе не внесла никаких непоправимых изменений в мой облик, привожу в порядок слегка перекошенную блузку, проверяю надежность прически и, покончив с этим обязательным ритуалом, устраиваюсь за своим столом. В этот момент телефон зама начинает трезвонить.

Первым делом Юрий Львович выразительно смотрит на висящие над дверью часы, стрелки которых показывают без пяти девять, затем строит несколько гримас, демонстрирующих публике все, что он думает по поводу столь ранних звонков, и только после этого поднимает трубку.

– Безруков, – буркает Юрий Львович, и вдруг его глаза расширяются в непритворном изумлении. Он как будто собирается что-то сказать, но так и замирает с разинутым ртом. Из трубки уже давно несутся короткие гудки, а Юрий Львович все смотрит на неё с недоверчивым, вопросительным выражением. Затем поворачивается ко мне.

– Юль, – произносит он слегка неуверенно, – господин Железнов изволили лично позвонить и повелеть, чтобы ему немедленно были доставлены все бумаги по Гамбургу вместе с юристом, который ими занимался. То есть, чтобы этот юрист их доставил.

Позвольте, юрист, который курировал договоры с Гамбургом? Так это же я! Получается, я должна идти к Железнову? Одна?

– Интересное начало, – хмыкает Миша. – Выходит, начальники у нас больше не котируются, а исполнители должны быть всегда в тонусе? А Юля первая попадает под раздачу? Юль, а ля гер, как говорится!

– Но пасаран, – рассеянно отзываюсь я, пребывая в высшей степени озадаченности. Что значит «все бумаги», рабочая переписка, что ли?

– Юль, надо идти, – напоминает Юрий Львович. – Железнов ясно дал понять, что ни я, ни Елена Станиславовна ему не нужны. К тому же Елена в мэрию уехала...

– Конечно-конечно, я иду, – поспешно говорю я и хватаю папку с документами. – Посмотрю, что там за новое руководство. А то в четверг только тень мелькнула...

– Это была очень выразительная тень! – вставляет Наташа.

Я смеюсь вместе со всеми и вообще стараюсь выглядеть уверенно, хотя у меня немного трясутся руки пока я отбираю нужные файлы – чертов зам заразил меня своей нервозностью.

Впрочем, если подумать, что особенного случилось? Руководству требуются документы, составляющие важную часть той сделки, о которой я упоминала. И вполне логично, что Железнов хочет иметь под рукой человека, который может дать необходимые пояснения. Я эти договоры почти наизусть знаю, так что не о чем беспокоиться. А своим намерением общаться с непосредственным исполнителем Железнов, возможно, хочет продемонстрировать демократичный подход и близость к подчиненным. Полагаю, именно к такому стилю он привык во время своей работы в Германии.

Георгий Дмитриевич Железнов – новое для нас лицо. Для нас, но не для организации в целом. Когда-то он трудился в московском филиале, потом несколько лет проработал за границей, и недавно его снова заманили в «Атлант». Около трех месяцев он провел в Москве, а теперь прибыл к нам в качестве директора по развитию. В прошлый четверг он вместе с гендиректором обошел кабинеты и был официально представлен сотрудникам, вследствие чего всякая работа, во всяком случае на нашем этаже, была приостановлена как минимум на час. Мужчины, в том числе и те, кто сроду не прикасался к сигарете, дружно захотели получить порцию никотина, а дамская часть коллектива испытала настоятельную потребность утолить жажду в компании ближайших коллег. Уж не знаю, что именно обсуждалось в курилках – возможно, неприличная молодость нового начальника, – а вот распитие чая сопровождалось восторгами по поводу привлекательной внешности и неженатого статуса господина Железнова.

В пятницу все утихло и стали ожидать свершений Железнова на деловом поприще, дабы вынести ему окончательную оценку. Судя по всему, я дождалась первой.

Со стопкой документов в руках и маской официальности на лице я вхожу в приемную на шестом этаже. Там уже толпится несколько человек, но Таня при моем появлении сразу кивает на кабинет Железнова. Я успеваю заметить, что это производит определенное впечатление на окружающих, и чувствую, как у меня слегка перехватывает дыхание.

Хватит, юрист не должен быть таким нервным. Я спокойна, я совершенно спокойна. Я энергичная деловая женщина, я ответственный, квалифицированный специалист, я хорошо выполняю свою работу, я готова к диалогу на любом уровне...

Уф, кажется, отпустило. Сделав глубокий вдох, я открываю тяжелую дверь и решительно шагаю внутрь.

Георгий Дмитриевич сидит за огромным столом темного дерева. Перед ним компьютер, рядом ноутбук, планшет и смартфон. Скрип двери заставляет эту жертву электронизации оторваться от монитора. Слегка поджав губы, Железнов рассматривает меня. Не могу сказать, что с удовольствием. Наоборот, как-то тяжело и даже мрачно.

Что это с ним? Несварение желудка или просто похмелье?

От удивления я забываю бояться и вполне уверенно произношу:

– Доброе утро. Я – Юлия Смолкина, младший юрист, занимаюсь контрактами с Гамбургом. Вы хотели их видеть?

– Да, садитесь, пожалуйста, – Железнов указывает на кресло для посетителей.

Я протягиваю файлы, усаживаюсь напротив и снова ощущаю легкий приступ паники. Стараюсь выглядеть естественно, но осознаю, что моя спина слишком прямая, а руки стиснуты в замок. Украдкой бросаю взгляд на Железнова и немедленно отвожу глаза. Ну до чего же хорош, зараза! Темные волосы падают на лоб, на щеках легкие тени после бритья, прямой выразительный нос, волевой подбородок, идеального рисунка губы...

Но чем же он так страшно недоволен? В четверг он выглядел совсем иначе, даже улыбался. Улыбка у него, скажу я вам...

Господи, о чем я думаю? Только бы не покраснеть. Вечная проблема блондинок с тонкой кожей. Впрочем, я слышала, что рыжим приходится еще хуже. Я деловая женщина, надо вести себя соответственно, вдруг он сейчас о чем-нибудь спросит...

Но Железнов совершенно углубился в чтение, так что минут через пять я даже начинаю скучать. Наконец не отрывая взгляда от бумаг, Железнов набирает короткий номер на телефоне. Раздается противный гудок, затем наступает тишина. Железнов, нахмурившись, смотрит на аппарат, а потом вдруг обращается ко мне:

– Юлия, вас не затруднит позвать секретаря, а то эта техника, кажется, неисправна.

Я с готовностью вскакиваю, распахиваю дверь в приемную, однако секретарши там нет. Секунду раздумываю, стоит ли мне поискать Таню в коридоре, но прихожу к выводу, что это будет выглядеть несолидно.

– Передайте, пожалуйста, Тане, чтобы зашла к Георгию Дмитриевичу, – с важным видом прошу я народ в приемной и снова закрываю дверь.

Железнов по-прежнему занят договорами и никак не реагирует на мое обратное водворение в кресло. От нечего делать я начинаю рассматривать руки Железнова и прихожу к выводу, что они тоже вполне удовлетворяют моим эстетическим требованиям. Длинные тонкие пальцы с аккуратными продолговатыми ногтями. На рояле играть с такими пальцами...

– А где спецификации? – голос Железнова прерывает мой мыслительный поток.

– Что? – вздрагиваю я, отрываясь от созерцания музыкальных пальцев высокого руководства, и явственно ощущаю, как предательская краснота заливаает щеки.

– Приложение номер один, спецификации.

– В конце договоров, перед вторым приложением, – по возможности ровным тоном информирую я. Ну, покраснела, что же теперь сделаешь? Может, все-таки отказаться от пучка и носить распущенные волосы? Тогда хоть уши можно будет прикрывать. Правда, уши, кажется, в порядке. Или нет? Мне срочно нужно зеркало!

Так, а что там такое со спецификациями?

– Я не вижу здесь спецификаций, – каким-то зловещим тоном произносит Железнов.

Интересно, как можно не увидеть перечень запчастей на трех листах? Очки он забыл, что ли?

Я беру документы, пролистываю страницы всех экземпляров договоров и прихожу в полное недоумение. Где спецификации? Я же точно знаю, что в пятницу они были на месте! Их кто-то взял и не положил на место? Кто? Зачем?

Чувствуя себя крайне неудобно, я поднимаю глаза на Железнова, как будто надеюсь, что он найдет решение загадки, и натываюсь на ответный суровый взгляд.

– Так вы знаете, где приложения?

– Они были здесь, – мямлю я, вероятно, с весьма жалким видом. – С этих договоров сделано несколько копий, в них обязательно должны быть все приложения... – к концу фразы мой голос окончательно затихает.

Железнов только выразительно поднимает брови. Затем вздыхает и снисходит до объяснения:

– Меня, видите ли, в данный момент интересуют оригиналы, за целостность и сохранность которых именно вы, как я понимаю, несете ответственность. И тем не менее, не можете дать вразумительный ответ о месте их нахождения, правильно?

Ух ты, мне решили прочитать нотацию. Легкую панику мгновенно вытесняет раздражение.

– Вы понимаете, что отсутствие оригиналов совершенно недопустимо? – продолжает нагнетать Железнов.

Он это серьезно? И что дальше? Наверное, в угоду ему я должна униженно пролепетать «да, понимаю» и посыпать голову пеплом? Может еще лбом о стену побиться? А не лучше

ли сразу отправить меня обратно в отдел на поиски? Спецификации не могли потеряться. Да, я виновата в том, что не просмотрела контракты перед тем, как отправиться к нему, но я же мчалась как на пожар! По его собственному требованию! И вообще, не надо преувеличивать, даже если приложения не найдутся, это еще не конец света!

Господи, а если действительно не найдутся? И мне придется сообщать немцам, что мы потеряли документы с их подписями и печатями и униженно просить выслать нам новые экземпляры? Какой позор! Нет, это совершенно невозможно!

Я едва не зажмуриваюсь от ужаса, но сдерживаюсь под издевательским взглядом руководства.

– Кто-нибудь еще в вашем отделе занимался этими договорами? – продолжает допрос Железнов.

– Только начальник отдела, но сегодня она уехала решать вопросы с администрацией.

Не дослушав меня Железнов хватает сотовый и набирает номер.

– Елена Станиславовна? Это Железнов. Я сейчас просматриваю контракты с Гамбургом. В них отсутствуют приложения... Да, именно спецификации. Вы не знаете, где они могут быть?

Железнов замирает с трубкой у уха. Интересно, где именно он застал мою начальницу?

– Значит, не знаете. Ясно, – без каких-либо явных эмоций бросает Железнов и отсоединяется.

Я с нетерпением жду, когда меня все-таки отправят восвояси, пусть даже с приказом притащить в зубах спецификации не позже, чем через пять минут, но Железнов решает продлить пытку. В очередной раз полистав контракты, он откладывает их в сторону, замирает в тяжелом безмолвии, затем встает и подходит к окну. Засунув руки в карманы, Георгий Дмитриевич устремляет взгляд в даль. Мы проводим еще немного времени в тишине, которую я не решаюсь нарушить.

– Я согласился на свою нынешнюю должность, – неожиданно начинает Железнов, стоя лицом к окну и, соответственно, боком ко мне, – для того, чтобы лично контролировать процесс освоения «Атлантом» новых, весьма высоких рубежей. Организованность, профессионализм, ответственность, аккуратность – вот чего я жду от членов своей команды. И с чем же я сталкиваюсь в первый рабочий день?

Тут он отрывается от окна и с неприкрытым отвращением смотрит на меня. А я начинаю чувствовать себя жалким кроликом перед голодным удавом.

– Ваша должность именуется «младший юрист», вы сказали? И давно вы её занимаете?

– Три... – я сглатываю. – Почти три месяца.

– Раньше вы работали в другом месте?

– Да.

– Кем именно, если не секрет?

– Офис-менеджером, секретарем, – перечисляю я, прекрасно осознавая, как жалко выглядит моя трудовая биография.

– Недурственно, – фыркает Железнов. – Из секретарей сразу в юристы. За какие же заслуги? – он медленно, как будто с намеком, окидывает меня взглядом.

Что??? Да как он смеет? Хам, грубиян, выскочка, шовинист...

– Месяцы напряженного труда люди подготавливают миллионную сделку, а бывшие секретарши небрежно походя ставят её под угрозу срыва. И кому только в голову пришло доверить важные документы... – Железнов обрывает себя на полуслове, но его мысль ясна и без слов.

Я совершенно теряюсь. Еще никогда в жизни меня так не оскорбляли! Что мне делать, запустить в его голову смартфоном? Или сразу убить?

– Итак, я принял решение, – вторгается жесткий голос в мои членовредительские мечты. – Мне подобные сотрудники не нужны. Вы сказали, что работаете меньше трех месяцев, то есть находитесь на испытательном сроке? Если через пять минут заявление об уволь-

нении по собственному желанию ляжет мне на стол, ваша трудовая книжка не будет испорчена ненужными записями. А всем прочим пусть это послужит уроком! – Железнов снова отворачивается к окну и застывает в напряженной позе.

В первый момент я ничего не понимаю и не осознаю, только смутно ощущаю, что меня как-то особенно мерзко унизили. Затем медленно, слово за словом, прокручиваю в голове предъявленный ультиматум.

Да что здесь вообще происходит?! Свалившийся нам на голову тип решил сходу продемонстрировать, кто теперь главный? А не пошел бы он...

Значит, ему не нужны такие сотрудники? Нет, это мне не нужны такие начальники!

Точеный профиль Железнова вызывает теперь лишь страшное желание плюнуть в него.

Да черт с ним, вдруг еще промажу...

Я оглядываюсь в поисках чистой бумаги, демонстративно подхожу к принтеру, притулившемуся на боковом столике, и вытаскиваю из лотка листок. Затем хватаю ручку Железнова, неосмотрительно оставленную им рядом с компьютером, и быстро пишу стандартный набор фраз. Причину увольнения Трудовой кодекс вроде бы сейчас не требует, поэтому я воздерживаюсь от упоминания каких-либо «личных обстоятельств», однако с трудом подавляю порыв процитировать незабвенного Новосельцева Анатолия Ефремовича.

«Потому что мой начальник – самодур!» – в моем случае точнее не скажешь.

Удержавшись-таки от постскриптума, ставлю размашистую подпись, кладу заявление с ручкой на стол и гордой походкой, печатая шаг, покидаю кабинет своего, уже бывшего, руководства.

Но на пути из приемной моя бравада улетучивается. Я судорожно вдыхаю воздух, отчего в глазах темнеет, все тело сотрясает нервная дрожь, а ладони покрываются холодным липким потом.

Куда мне идти? В отдел за вещами? Исключено. Я просто не выдержу реакцию коллег. Расспросы, недоверие, сочувствие – сейчас мне это не по силам. Я разревусь и окончательно опозорюсь.

Нет уж. Моя гордость еще при мне, и в слезах меня здесь никто не увидит!

Лифт приезжает пустой – хоть тут повезло. Я поспешно тыкаю в кнопку первого этажа и приваливаюсь к стенке узкой кабинки, молясь, чтобы никому в ближайшие пару минут не пришлось в голову составить мне компанию. Лифт медленно ползет вниз, я слежу за мигающими цифрами этажей и пытаюсь контролировать дыхание.

Сердце колотится, голова кружится, в глазах мелькают точки. Только обморока мне не хватает для полного счастья!

«Держись, дорогая, держись, – твержу я себе. – Еще немного, и ты отсюда выберешься».

Мне удастся почти нормальным шагом пересечь холл. На улице становится чуть легче, но я все еще боюсь встретить кого-нибудь из «Атланта». Поэтому я бреду к остановке и влезая в первый же автобус.

Мне надо уехать, подальше отсюда, все равно куда...

Майя

Что ни говори, а собственный кабинет – это замечательно.

Ровно в девять я, как обычно, вхожу в небольшое, но вполне уютное и удовлетворяющее всем моим требованиям офисное помещение, кидаю сумку на стол, падаю в кресло и в очередной раз испытываю приступ благодарности к нашему директору, этому гениальному человеку, три месяца назад изничтожившему на корню традицию начинать рабочий день с совещания.

Почему-то принято считать, что подобные утренние мероприятия оказывают тонизирующее действие на служащих и настраивают их на рабочий лад. Однако, по моим наблюдениям, стимулирующий эффект ощущают лишь те, кто и так с рассвета бодрячком. Лично я, например, будучи неисправимой «совой», тратила слишком много сил, чтобы продуцировать неестественную для столь раннего часа умственную и физическую деятельность, и в результате пол дня потом восстанавливалась. А наши архитекторы всерьез утверждали, что утренние домогательства руководства деструктивно влияли на творческий процесс.

Поразительный факт – директор прислушался к мнению большинства. Или ему просто надело ежедневно созерцать кислые физиономии в переговорной. Утреннюю пытку отменили, производительность труда немедленно возросла...

Ладно, может, это и преувеличение, но жизнь, несомненно, стала лучше. Я однозначно теперь больше успеваю: хоть и долго раскачиваюсь в начале дня, зато потом работаю быстро и эффективно. У архитекторов тоже больше нет проблем с вдохновением, и они без принуждения и по собственной инициативе вкалывают до позднего вечера.

Случаются, конечно, ситуации, когда трудовые свершения требуются от меня спозаранку, и я даже вполне успешно с ними справляюсь, но только при условии тщательного составления плана действий еще с вечера. Я как будто закладываю программу в автопилот и утром выполняю все четко и без сбоев.

Сегодня, к счастью, подвигов от меня никто не ждет, я могу спокойно выпить кофе, проверить почту, разгрести текучку и лишь потом перейти к сложным задачам, решение которых предполагает серьезное напряжение мысли, концентрацию внимания и хорошую реакцию.

Работаю я в архитектурно-строительной организации. Изначально я сюда устраивалась на место младшего архитектора. Мой выбор профессии был совершенно не оригинален, а элементарно предопределялся наследственностью: родной отец сделал карьеру в сфере строительства, в то время как мама добилась больших успехов в качестве дизайнера по интерьерам. Я с детства неплохо рисовала, в школе преуспела в черчении и закономерно стала студенткой архитектурного факультета Строительной академии.

Училась я довольно посредственно, разве что без хвостов. Мои творческие способности оказались весьма скромными, фантазия ограниченной, вдохновение заставляло себя ждать, в основном, напрасно. Преподаватели, правда, всегда отмечали мои проекты за продуманность, основательность и рациональность. Я никогда не допускала глупых просчетов, не забывала про санитарные требования и пожарную безопасность, учитывала сочетание строительных материалов и легко удерживала в голове многое из того, что мои более одаренные сокурсники постоянно упускали из виду.

На первую работу я устроилась сама, помогло великолепное знание компьютера. Однако приютившая меня архитектурная мастерская уже через полтора года прекратила свое существование. Главный архитектор сетовал на расплодившихся конкурентов, совершенно, на мой взгляд, напрасно. Просто-напросто дело было организовано беспорядочно: отсутствовало какое бы то ни было стратегическое планирование, не было ориентации на потребности клиента. Мы хватались за дорогостоящие проекты, не учитывая собственные издержки, наша реклама, впе-

чатляющая спецэффектами, не содержала внятной информации, удобство и комфорт зачастую приносились в жертву творческому самовыражению архитекторов и дизайнеров.

Со следующей работой помог отец, и у меня в связи с этим даже развился комплекс неполноценности. Я пришла к выводу, что я полная бездарность, что мой выбор профессии был ошибочен и самореализация в этой жизни мне не светит. А что еще я могла тогда думать, учитывая факт, что руководству фирмы папочка меня просто навязал, используя какие-то свои рычаги давления. Он, само собой, в этом не признался, но мне не стоило большого труда выяснить, что должности младшего архитектора в компании никогда не существовало и потребность в подобном работнике также отсутствовала.

Архитекторы, в количестве шести человек, восприняли мое появление с философским спокойствием и быстро нашли применение новой сотруднице. Я организовывала встречи с заказчиками, утрясала детали, следила за сметами и моталась между отделами. И вот тут-то прорезался долгожданный талант. Мои не слишком ценимые в творческой среде достоинства, такие как рационализм, реализм, трезвый взгляд и неизменное спокойствие, стали быстро приносить дивиденды. Руководство сделало свои выводы, и вскоре меня назначили координатором проектов (опять же новая должность для организации), а не так давно я стала гордо именоваться заместителем директора по работе с клиентами.

Попытаюсь объяснить, чем же именно я занимаюсь. Приходит, допустим, свежеразбогатевший заказчик, желающий с нашей помощью построить дом. Спрашивается, какой именно дом? И клиент начинает размахивать руками, описывая, каким шикарным, удобным, красивым и впечатляющим он представляет дом своей мечты. Да, забыла сказать, руками он размахивает перед архитектором. Архитектор начинает задавать конкретные вопросы, сыплет терминами, выступает с предложениями, предлагает варианты... На этой стадии заказчик частенько теряется, путается в показаниях и в результате сам не понимает, а в последствии даже и не помнит, на что именно дает добро. Подготавливается проект, подписываются документы, начинается строительство. И вот, когда значительная часть работы уже сделана, заказчика вдруг осеняет, что в мечтах ему виделось совершенно другое жилище. А поскольку он платит деньги, то имеет право требовать переделок и изменений.

Конечно, можно такому заказчику заткнуть пасть документами, на которых красуется его собственноручная подпись, но что мы тогда получим в результате? С одной стороны, деньги за выполненную работу, с другой – недовольного клиента, способного создать нам антирекламу. К тому же от всех переделок отвертеться невозможно, как следствие возрастают издержки, тратятся время и нервы...

Но все это только в теории. На практике наша фирма подобных трудностей не испытывает. А все потому, что у нашей фирмы есть я! Да ладно, могу я немного погордиться? Честное слово, я не так уж часто это делаю.

Итак, сперва я сама встречаюсь с заказчиком, выслушиваю его пожелания, выясняю, насколько он ориентируется в сфере строительства и дизайна, прикидываю предварительную смету. На основании полученной информации я выбираю наиболее подходящего архитектора. На первой встрече клиента и архитектора я также присутствую в обязательном порядке, выполняя функции психолога и переводчика. Далее следуют неоднократные выезды на объект строительства или перепланировки, консультации с юристами, бережное погружение заказчика в мир отделочных материалов...

Не буду особо углубляться в детали, но смею уверить: на протяжении всей работы над заказом клиент пребывает в твердом убеждении, что все совершается исключительно в соответствии с его вкусом, желаниями и капризами. Таким образом, в итоге мы имеем строгое следование плану работ, не вылезает из сметы, а главное – наш заказчик всем доволен, хвалит нас на каждом углу и привлекает нам новых клиентов.

Сегодня утром я как-то особенно обессиленна. Хотя что тут удивительного – понедельник. Зевая во весь рот, я причесываюсь и с тоской поглядываю на кофеварку. Ну почему этот агрегат не управляется с помощью пульта? В голове проносится восхитительное видение: я, не вставая с места, нажимаю кнопку, и через пару минут чашечка из белого фарфора, полная ароматного напитка, планирует прямо на мой стол. И даже – высший уровень фантастики – не заликает бумаги.

– Я слышал, здесь угощают кофе? – раздается голос от двери. Ну надо же, Костик! Вернулся из командировки и первым делом – к любимому начальству. Более чем кстати.

– Кофе здесь не угощают, а дают за тяжкие труды, – уточняю я, кивая на свою пустую чашку.

– Понял! Айн момент!

Костик устраивается перед кофеваркой и ловко готовит две порции напитка, черный себе и капучино мне.

– Так еще лучше, чем с пультом, – бормочу я, с удовлетворением созерцая пышную молочную шапку. Вдыхаю аромат корицы и прихожу к выводу, что даже по понедельникам жизнь вполне терпима.

Костик – инженер, занимается в основном электрикой. Мы подружились еще в те времена, когда я сидела с архитекторами. Мне нравятся его оптимизм, чувство юмора, некоторое легкомыслие, энергичность и живой темперамент. Не знаю, что он нашел во мне, но как-то так сложилось, что среди всех сотрудников мы неизменно в любых обстоятельствах предпочитаем общество друг друга. Естественно, о нас активно сплетничали, пока не устали. Впрочем, я не знаю, устали или нет – меня это мало интересует. Я старше Костика на четыре года и никогда не смотрела на него как на объект для возможного романа. С его стороны амурные поползновения также отсутствовали. Мы просто дружим, и тем, кто не может подобное переварить, я готова выразить свои соболезнования.

Костик рассказывает о командировке и убегает на свое рабочее место. В десять у меня встреча с заказчиком, я благополучно завершаю её ближе к двенадцати, возвращаюсь в кабинет и обнаруживаю на сотовом пять пропущенных вызовов. Все пять от Сентябрилки.

Через двадцать минут, побив собственный рекорд скорости, я уже паркуюсь у подъезда. Влетаю в квартиру и оцениваю обстановку. Юля, притихшая, бледная и чисто умытая, ссутулелась на диване, взбудораженная Сентябрина примостилась рядом на пуфике, а на журнальном столике между ними в изобилии представлены антидепрессанты: мороженое, конфеты, кофе и даже свежеприготовленный горячий шоколад.

– Я её пока особо не расспрашивала, – шепчет Сентябрина, разливая напиток по кружкам. – Чтобы ей не пришлось несколько раз пересказывать.

Я согласно киваю, нахожу на полке коньяк и добавляю щедрую дозу в Юлину чашку.

Первую порцию мы распиваем в полном молчании.

– Рассказывай, только спокойно и все по порядку, – велю я, убедившись, что сестра немного порозовела и временно завязала с рыданиями.

Юля послушно приступает к грустному повествованию и постепенно погружается в тяжелые воспоминания, с каким-то мазохистским упорством переживая кошмар своего увольнения в мельчайших подробностях. Сентябрина ошарашено хлопает глазами, да и я пребываю в полном недоумении. В голове теснится куча вопросов, даже не могу сообразить, с чего начать.

– Я не поняла, у вас что, как в западных фильмах: «You are fired¹, с вещами на выход»? – недоверчиво вопрошает Сентябрина. – А про Трудовой кодекс слышали?

– Я же сама написала заявление, – несчастным голосом поясняет Юля.

¹ Вы уволены (англ.)

– А если бы не написала? – не понимает Сентябрина.

– Меня бы уволили по статье, написали бы, что я не прошла испытательный срок, а такая запись в трудовой – это конец карьеры.

Лично мне мотивы, по которым Юля написала заявление, а не стала отстаивать свои права, в целом ясны, я лучше Сентябрины знакома с офисной кухней. Но вот что любопытно...

– Откуда Железнов знал про твой испытательный срок? – интересуюсь я.

– Ну он же спросил меня, как долго я работаю, и я сказала, что почти три месяца. А это стандартный период для испытательного срока.

– Но он не мог быть уверен на сто процентов! Может, тебя без испытательного взяли, может, он у тебя вчера закончился, может, приказ досрочно подписали, мало ли вариантов?

– Наверное, он просто угадал, – пожимает плечами Юля.

Не исключено, конечно. Но все равно мне чудится здесь какая-то фальшь.

– Давай еще раз уточним, – требую я. – Этот Железнов только что стал большим начальником. В четверг он познакомился с подчиненными, в пятницу проставлялся в своем кругу, а в понедельник приступил непосредственно к работе. И первым делом он требует тебя пред начальственные очи, находит повод придраться и показательно увольняет, как будто заранее зная, что именно тебя выкинуть с работы гораздо проще, чем кого-либо другого.

Юля задумывается.

– Все это действительно странно, – признает она. – По телефону Железнов настаивал, чтобы документы принес юрист, курировавший сделку. Я могла бы это понять, если бы у него были какие-то уточнения или замечания, так ведь нет – он только просмотрел текст, не задал ни одного вопроса, а потом поднял шум из-за приложений.

– Копии у вас были?

– Конечно! Лежали в той же папке, что я притащила. Так что будь у Железнова вопросы по существу сделки, я бы тут же дала все объяснения. Но его как будто интересовали только оригиналы договоров!

Юля замолкает. В комнате повисает тяжелая тишина.

Просто не знаю, как мне реагировать на рассказ сестры. В жизни ничего более странного не слышала! В голове против воли формируются выводы. Очень нехорошие выводы. И – не будем про это забывать – поспешные. Пожалуй, не стоит их пока озвучивать.

– Как ты думаешь, начальница без возражений твое увольнение проглотит?

– Понятия не имею. Безусловно, ей все это сильно не понравится, но пойдет ли она ради меня на ссору с руководством? Сильно сомневаюсь. Тем более, с Железновым. Говорят, он теперь тоже акционер, и у него какие-то тесные связи с основными собственниками.

– Ну и наплюй на них! – решительно заявляет Сентябрина. – Забудь, как дурной сон. Кризис кончился, мы тебе еще лучше работу найдем!

Юля болезненно морщится, а я вспоминаю, с каким упорством она, отказываясь от любой помощи, старалась сама пробить себе дорогу, как торжествовала, получив наконец желанную запись «юрист» в трудовой книжке...

– Что это вообще за контракты такие? – спрашиваю я.

Сантименты в сторону, надо разобраться с тем, что случилось.

Периодически подкрепляясь коньяком, Юля поведала нам немного запутанную историю, суть которой состояла в том, что ЗАО «Атлант», в котором три месяца без одного дня трудилась моя сестра, готовилось к грандиозным свершениям.

Случилось так, что один российский толстосум, некто Моргунов, решил проявить гражданскую сознательность и направить часть своих немереных капиталов на развитие отечественной промышленности. Не так давно он стал владельцем разорившегося заводика у нас в области. И на этом самом заводе олигарх вознамерился производить какую-то новейшую

продукцию. С настоящим производством новый собственник ранее дела не имел, поэтому он пожелал нанять специалистов, которые проведут реконструкцию, все наладят, организуют и так далее. Был объявлен тендер, «Атлант» вроде бы всех победил, но окончательное подписание документов ожидается только в конце недели.

Разработанный «Атлантом» план реконструкции предусматривал невиданный в наших краях уровень автоматизации производства. Станки, конвейерные ленты и прочую дребедень предполагалось частично закупать за границей, частично изготавливать в цехах, принадлежащих «Атланту», хотя для этого опять же требовались западные комплектующие. К счастью у «Атланта» давно были налажены связи с надежными немецкими поставщиками, отработаны процедуры доставки и растаможки. Под переоборудование завода специалисты «Атланта» подготовили новые контракты на крупные поставки из Гамбурга. Именно эти документы якобы и потеряла Юля.

– Не возьму в толк, как можно потерять приложения, которые являются неотъемлемой частью договоров? Они что, не были прошиты? – допытываюсь я.

– Конечно, нет. Они же еще не подписаны с нашей стороны!

– Как это?

Юля горестно вздыхает, но послушно приступает к объяснениям.

– Мы подготовили договоры на поставку запчастей, но подписывать их генеральный соби-
рался только после заключения сделки с Моргуновым. Понимаешь, вроде бы никто не сомне-
вается, что с Моргуновым все получится, но и бежать впереди паровоза как-то глупо. Дого-
воры сложные, пришлось многое согласовывать и переделывать. Неделю назад мы отправили
им по электронке наш последний вариант, а они распечатали его, подписали и отправили к
нам экспресс-почтой вместе с документами по предыдущим поставкам. Так что это вообще
случайность, что у нас сегодня уже были экземпляры с оригинальными печатями немцев.

– То есть для заключения контракта с Моргуновым вам оригиналы документов по постав-
кам совершенно ни к чему, правильно я поняла? Почему тогда Железнов сделал такую траге-
дию из их пропажи?

– Потому что он псих, идиот, чокнутый, самодур, тупой кретин...

– «Чокнутый тупой кретин» – это сильно! – замечает Сентябрина. – Или Железнов
невзлюбил тебя с первого взгляда, или у него к тебе какой-то личный счет. Колись, Юля, когда
ты ему насолить успела?

– Да я его в прошлый четверг в первый раз в жизни увидела! – возмущается Юля.

– А что он вообще из себя представляет, этот Железнов?

– Урод, – сквозь зубы цедит Юля.

– Так, может, в этом и причина? – оживляется Сентябрина. – Увидел урод красивую
девушку...

– Внешне, к сожалению, не урод, – перебивает Юля, – Очень даже интересный брюнет.
И я, кажется, возненавидела интересных брюнетов до конца своей жизни.

– Мне тут на днях коробку «Рафаэлло» подарили, сейчас принесу, – бросаю я сестрам и
удаляюсь на кухню. Конфеты – это, конечно, только предлог, мне просто нужно побыть одной,
остыть и собраться с мыслями, а стусившиеся в комнате эмоции чрезвычайно мешают после-
довательному мышлению.

К сожалению, уединение не слишком помогает. Внутри все кипит и клокочет. Возмуще-
ние, неверие, гнев и ярость даже по отдельности действуют отупляюще, а уж вместе они выру-
бают серое вещество всерьез и надолго.

«Думай, думай, думай!» – приказываю я себе.

Итак, что же у нас получается? Я готова допустить, что работник-раздолбай, посеяв-
ший важные документы, вследствие чего организация понесла финансовые или репутацион-
ные потери, достоин увольнения. Но Юлин случай по всем признакам из другой оперы. Я,

лично, вижу следующие варианты. Вариант первый: Железнов был не в духе и сорвал на Юле свое плохое настроение. Весьма маловероятно, но чего только в жизни не случается. Вариант второй: Железнов хотел провести акцию устрашения и повысить свой авторитет (полный кретинизм, но сейчас не об этом). Тогда он мог предварительно наметить себе список наиболее уязвимых сотрудников, а Юля оказалась первой среди них. Вариант третий: Железнов хотел уволить именно Юлю по каким-то своим неведомым мотивам. Вариант четвертый... Еще не придумала. И вопрос, касающийся всех вариантов – куда пропали спецификации? И как вовремя для гнусных намерений Железнева они пропали! Подождите, но тогда...

– Ты вроде говорила про «Рафаэлло»? – вторгается в мои рассуждения голос прибежавшей на кухню Сентябрины.

Ну вот, мелькнувшая в голове мысль испарилась бесследно.

– Сладкое вредно, – буркаю я.

– Хорошо, обойдемся без сладкого. Положи тогда хлебцы на место и пойдем в комнату.

– Какие еще хлебцы?

– Которые ты держишь в руках.

Я с удивлением обнаруживаю, что действительно сжимаю упаковку цельнозерновых хлебцов. Возвращаю их на полку, беру конфеты и послушно иду за сестрой. Меня не покидает ощущение, что ускользнувшая мысль была очень важной, но напрасно я напрягаю память – мысль обиделась и пропала. Остается лишь надеяться, что она полетает и вернется к хозяйке.

Юля бросает на коробку конфет довольно равнодушный взгляд, но потом вытаскивает сразу три рафаэлки и принимается их разворачивать.

– А не могло твое место кому-нибудь понадобится? – задаю я довольно глупый вопрос.

– Не думаю. – Юля поджимает губы. – Насколько я знаю, новое штатное расписание уже готово и в нем в юротделе еще одна вакансия предусмотрена.

Все, я сдаюсь. Как говорится, дело ясное, что дело темное. Кто виноват и что делать? И надо ли вообще что-то делать?

Нет, понимаю я, все-таки стоит попробовать разобраться. Сколько бы мы ни говорили, что в заскоках руководства нет Юлиной вины, я хорошо знаю свою сестренку. Комплекс неполноценности расцветет в ней буйным цветом, она потеряет уверенность в себе, будет исподволь думать, что, вероятно, она оказалась недостойна, некомпетентна... Скоро, боюсь, она сообразит, что вполне могла бы оказать сопротивление и не писать так сразу заявление по собственному, даже несмотря на свой статус работника на испытательном сроке, и начнет есть себя поедом. К тому же документы действительно пропали...

Хорошо, но с чего бы начать?

Мой телефон начинает трезвонить.

– Это мама, – оповещаю я сестер, взглянув на дисплей.

– Не говори ей! – умоляюще шепчет Юля.

– Майечка, ты на работе? – мамин голос едва различим на фоне визга и стука инструментов.

– У меня обеденный перерыв, – осторожно сообщаю я.

– Ты знаешь, тут такая странная ситуация. Мне позвонили с Юлиной работы...

Я вздрагиваю и включаю громкую связь. Сестры полностью обращаются в слух.

– ... Какой-то вежливый мальчик, он спрашивал, не дома ли Юля. Эй! Так и знала, что этот проем сделают прямым! Здесь должен быть плавный изгиб! – вопит мама. Изгибом она явно обеспокоена больше, чем звонком насчет Юли, а значит, об увольнении еще ничего не знает.

Напряжение немного отпускает.

Пару минут мы внимательно слушаем волнующий диалог с прорабом, потом мама вспоминает обо мне:

– Ага, так вот, я ответила, что Юленька на работе. Он сказал, что попытается её отыскать, но, на всякий случай, просит передать, что звонил Миша. Я набрала Юлин сотовый, но она не берет трубку. А её рабочий телефон я в этом бедламе никак не могу отыскать.

Ох, хоть в этом повезло! Да здравствуют мамини ремонты.

– Мам, не волнуйся, – приступаю я к полномасштабному вранью. – Юля со мной, мы вместе обедаем. А сотовый она на работе забыла.

– Тогда все понятно, – успокаивается мама. – Ну, передай ей, чтобы она пообщалась с этим Мишей. Он мне показался очень милым.

– Непременно передам, – обещаю я и отсоединяюсь.

– Что за Миша? – поворачиваюсь я к Юле.

– Наш, из юротдела.

– Позвонишь ему?

– Я не могу! – отшатывается Юля. – Давай ты!

Да, вот она тяжкая ноша старшей сестры.

– Ладно, диктуй, – вздыхаю я.

– Я не помню его сотовый, только городской телефон отдела.

– Хорошо, пусть будет городской.

Набираю семизначный номер, потом добавочный, который Юля, к счастью, тоже помнит наизусть. Миша отзывается уже на третьем гудке.

– Добрый день, – официально и бесстрастно начинаю я. – Меня зовут Майя, я сестра Юлии Смолкиной. К сожалению, она сама не может ...

Больше я ничего сказать не успеваю, поскольку Миша перебивает меня взволнованным полупшепотом:

– Хорошо, что вы позвонили! Юля ушла, я все прекрасно понимаю, но она оставила свои вещи... сумку, телефон... и еще... ей велели кое-что передать. Если она не хочет здесь появляться, может, вы могли бы...

– Я могла бы. Через полчаса я буду у «Атланта». Вас устраивает такой вариант?

– Да-да, вполне, – поспешно соглашается Миша. – Позвоните мне, пожалуйста, от охраны.

– Договорились.

Я кладу трубку и прокручиваю в голове слова бывшего Юлиного сотрудника.

– Ты в курсе, что твоя сумка и телефон остались в отделе? Как, скажи на милость, ты до меня добралась?

– На автобусе. Зайцем, – признается Юля.

– И тебя не выкинули на следующей же остановке?

– Даже не пытались. Вроде кондукторша пошла ко мне, а потом передумала.

Сестра горестно вздыхает, а потом выдавливает ухмылку:

– Хорошее же впечатление я, судя по всему, производила.

Я против воли тоже улыбаюсь.

– Ты поедешь за Юлиными вещами? – возвращает нас к делам насущным Сентябрина.

– Да, мне пора, – спохватываюсь я. – Встречусь с этим Мишей, заберу вещи и выжму из него все, что можно.

– Ты потом сразу сюда? Или на работу вернешься?

– Сюда. Сегодня на работе и без меня обойдутся. А вы двое посмотрите пока какую-нибудь комедию. Только на коньяк особо не налегайте, ясность мысли нам еще может сегодня пригодиться.

Юля поднимает бутылку, оценивает её содержимое, затем решительно отставляет в сторону.

– Больше ни капли. Не хватало мне реветь пьяными слезами от жалости к себе. Не дождутся! Сентябрь, врубай «Ивана Васильевича».

Сентября с готовностью кидается к полкам с дисками, а я подхватываю сумку и покидаю дом.

По дороге я успеваю созвониться с начальством и получить разрешение на отгул. Завтра придется навестывать, но с этим я справлюсь без особого труда. Текущая задача – вызволение Юлиных вещей и прояснение ситуации с её увольнением – напрягает меня гораздо больше.

Оставив машину на охраняемой стоянке, я прохожу через тяжелые двери в огромный холл, в конце которого маячат целых четыре лифта. С трудом подавляя желание разобрать здание по кирпичикам, я строевым шагом устремляюсь к кабинкам. Один из лифтов, будто испугавшись моего боевого настроя, моментально распахивает двери. Вошедший вместе со мной мужчина нажимает кнопку третьего этажа, спасая тем самым свою жизнь и здоровье: в этом здании меня интересуют лишь обитатели пятого и шестого этажей и я всецело поглощена желанием свернуть половине из них шею.

Почему половине, если виновник всего один и в «Атланте» он даже меньше, чем без году неделя, спросите вы? Не знаю, но чувствую, что не могу совладать с растущей неприязнью ко всем атлантовцам. Почему они не объявили забастовку в знак протеста? Почему не вышли на митинг в Юлину защиту?

Шутка, конечно. Точнее, горькая ирония. Кто, где и когда видел в последний раз трудовую солидарность?

Хотя... До меня с некоторым опозданием доходит, что разговор Юли с Железновым проходил без свидетелей. Люди, конечно, поняли, что заявление по собственному появилось неспроста, однако кто знает, какие версии сейчас гуляют по отделам?

По дороге к «Атланту» я с досадой думала о том, что мы как-то по-идиотски договорились с Мишей – ведь логичней мне было записать номер его сотового, чтобы по приезде не тащиться к охране, а просто позвонить ему снизу. Но сейчас меня осеняет идея и я понимаю, что все к лучшему. Все той же стремительной походкой я выхожу из лифта, толкаю стеклянную дверь и почти сразу же натываюсь на стойку охранника.

– Я сестра Юлии Смолкиной. У меня назначена встреча с её сотрудником, – делаю я громогласное заявление.

Удивленный моим напором, охранник без возражений предоставляет в мое распоряжение телефон. Впрочем, он не слишком заинтересовался моей персоной, а вот несколько человек, случайно оказавшихся поблизости, остановились и как будто навострили уши.

Итак, можно сделать вывод, что утренние события не оставили служащих «Атланта» равнодушными.

Миша отзывается после второго же гудка и обещает подойти в течение пяти минут. Чем бы мне пока заняться? Осмотреться на вражеской территории?

В паре метров от меня установлен турникет, за ним тянется длинный коридор, окрашенный в разные оттенки зеленого. Не слишком удачный выбор, с учетом напольного покрытия и освещения. Тут бы гораздо лучше подошел...

Стоп! Что это за тип пытается просверлить мне спину своим взглядом?

Я слегка оборачиваюсь и на какое-то мгновение встречаюсь глазами с молодым человеком, стоящим неподалеку от двери.

Ну и ну! И почему Юля не рассказывала, что у них водятся подобные экземпляры? Я бы тогда сюда гораздо раньше нагрянула...

Парень моргает и опускает голову, утыкаясь в свой сотовый, а я старательно рассматриваю ближайшую стену, досадуя на обстоятельства.

Моей профессиональной памяти достаточно секунды, чтобы запечатлеть образ незнакомца. Первое, что я понимаю – это точно не Железнов. Последнего Юля охарактеризовала, как «интересного брюнета», а парень у противоположной стены скорее блондин. А вот «интересный» – это действительно про него. Высокий рост, широкие плечи, четкая линия подбородка, нос с небольшой горбинкой, хорошего рисунка брови, а глаза... кажется, голубые? Хотя при искусственном освещении легко ошибиться.

Мне хочется еще раз взглянуть на незнакомца. Конечно, я здесь немного по другому поводу, но...

– Простите, вы Майя? – тихий голос раздается за моей спиной так неожиданно, что я чуть не подскакиваю. Резко разворачиваюсь и обнаруживаю рядом невысокого полноватого молодого человека с пакетом в руках.

Ага, значит, красавчики все же не поставлены в «Атланте» на поток.

– Миша? – спрашиваю я.

– Да, это я. Добрый... – Миша смущенно сбивается и, переведя дыхание, предлагает: – Давайте поговорим в другом месте.

– Согласна.

Миша быстро улаживает какие-то формальности с охраной, и мы направляемся к лифту. Боковым зрением я отмечаю, что мой голубоглазый незнакомец стоит на прежнем месте, но занят исключительно своим сотовым. Ну естественно, девушка или гаджет! Вечная конкуренция...

Миша провожает меня в расположенную поблизости уютную закусочную. Вероятно, в обеденный перерыв здесь не протолкнуться, но сейчас в просторном зале, выходящем огромными окнами на утопающий в зелени сквер, кроме нас почти нет посетителей.

– Держите, здесь сумка и сотовый. – Миша передает мне пакет, в который завернута дамская сумочка.

– Спасибо.

– Там еще остались Юлины вещи в ящиках стола, но мы пока не стали их трогать. До сих пор не верится, что все это всерьез... – Миша поджимает губы и качает головой.

– Простите, Миша, но я хотела бы знать, – аккуратно начинаю я, – что именно вам известно об увольнении моей сестры?

– Расскажу по порядку, – кивает Миша, правильно расценив мой вопрос. – Нам позвонила Таня – секретарь приемной – и рассказала, что после того, как Юля вышла от Железнова, тот минут десять просидел в одиночестве, запретив кого-либо к себе впускать, затем вызвал Таню, передал ей Юлино заявление и велел немедленно отнести его в кадры. Таня также добавила, что она понятия не имеет, что же там произошло, но только Железнов сидит мрачный как туча и злой как сто чертей, поэтому соваться к нему она не рекомендует. Однако наша начальница, которая как раз приехала из мэрии, на Танины рекомендации наплевала и фурией помчалась наверх. Её долго не было, когда же она вернулась, то была в очень странном расположении духа. Елена Станиславовна сообщила, что Железнов уволил Юлю за потерю важных документов, своего решения он менять не намерен, но не станет возражать, если Елена даст Юле хорошие рекомендации. Собственно, это я и хотел сперва Юле передать...

– С тех пор что-то изменилось? – я улавливаю Мишино смятение.

– Даже не знаю, – мнется мой собеседник. – Все это слишком странно. Мы, когда о пропавших спецификациях услышали, естественно, стали возмущаться. Ну не стоили они того, чтобы из-за них показательное увольнение устраивать! Но что удивительно – Елена наше негодование на корню пресекла, категорически приказав не поднимать при ней эту тему, по крайней мере до подписания договора с Моргуновым, то есть до конца этой недели. Вы про Моргунова слышали?

– Да, Юля рассказала. Подождите, получается, на следующей неделе ваша начальница готова вернуться к вопросу о Юлином увольнении? Я не улавливаю смысла...

– Аналогично, – подхватывает Миша. – Со смыслом здесь вообще беда. Мы по требованию Елены замолчали, а вот в других отделах люди не унимаются – новость то быстро разлетелась – и такое несут, что уши вянут.

– А конкретнее?

– Простите, Майя, я не люблю сплетни, поэтому никогда специально не прислушивался, но еще раньше при мне пару-тройку раз упоминали, будто бы Юля получила место в «Атланте» по протекции. Якобы за неё хлопотал высокопоставленный любовник.

Мой рот открывается сам собой. Я почти впадаю в ступор, однако успеваю заметить, как Миша кидает на меня быстрый и цепкий взгляд. Ясно, парень решил по моей реакции судить о правдивости слухов. Что ж, думаю, он понял, что кто-то из его коллег пересмотрел лишку сериалов.

– Я, честно говоря, никогда не сомневался, что это все пустые разговоры, – продолжает Миша. – Юля всего лишь младший юрист, а с помощью влиятельных любовников, полагаю, занимают местечки повыше. К тому же у Юли и с образованием, и с опытом работы все в порядке, со своими обязанностями она прекрасно справлялась, так что даже не знаю, зачем кому-то понадобилось обсуждать её появление в «Атланте». Но разговоры были, и теперь они только усилились. Пополз упорный слух, что Железнов отыгрался на Юле за какие-то трения с её покровителем.

– А имя этого покровителя вам известно?

– Увы, если оно и звучало, то не в моем присутствии.

Все, я в ауте. Мои мозги не в силах переварить подобный бред. А за сестренку можно только порадоваться, что она живой выбралась из этого то ли гадюшника, то ли сумасшедшего дома.

Минута слабости, однако, быстро проходит, и я с раздражением осознаю, что мне придется разгрести всю только что услышанную ересь. Не зря же Миша так старательно мне её пересказывает, несмотря на то, что «сплетни он не любит», а «слухам не верит». Не простой он парень, этот Миша, хоть и смахивает на Винни-Пуха. Впрочем, чему удивляться, передо мной юрист крупной компании, а не продавец игрушек.

– Документы, как я догадываюсь, не нашлись?

– Нет, и это еще одна странность. Поверьте, мы искали везде, где только можно и нельзя. Сотрудники других отделов клялись, что они к пропаже не причастны.

– Это те самые сотрудники с большим воображением? – уточняю я.

– В том числе, – виновато пожимает плечами Миша.

Я жду продолжения, но мой собеседник безмолвствует. Видимо сказал все, что считал необходимым. Значит, пора прощаться.

– Спасибо за все, – говорю я.

– Не за что. И удачи вам.

Интересно, удачи в чем? В убийстве Железнова или в поисках для Юли новой работы? Ладно, не важно, пригодится в любом случае.

Миша давно ушел, а я все сижу перед пустой чашкой кофе и никак не могу собраться с мыслями. Пора, наверное, ехать домой, поведать Юле новости, узнать её мнение о сплетнях и...

И на этом временно остановиться. Анализировать ситуацию, а главное – решать, стоит ли что-нибудь предпринимать, лучше на свежую голову.

– Прошу прощения, вы не уделите мне несколько минут? – врывается в мои раздумья негромкий мужской голос. Я поднимаю голову и вижу перед собой моего светловолосого незнакомца.

Кажется, я слегка киваю. Во всяком случае, парень, не дожидаясь устного приглашения, устраивается напротив меня. И правильно делает. Так приятно выкинуть из головы все проблемы и просто смотреть на него, ни о чем не думая и испытывая чисто эстетическое наслаждение.

Наверное, я выгляжу весьма забавно, потому что губы молодого человека начинают подергиваться, отчего на правой щеке появляется небольшая ямочка. Очаровательно. Век бы так сидела и созерцала этот образчик мужской привлекательности.

Увы, роль живой статуи в планы парня явно не входит.

– Видите ли, я случайно оказался в курсе ситуации с вашей сестрой, и мне очень захотелось с вами поговорить, – меня грубо возвращают с небес на землю.

– Я вас внимательно слушаю, – в моем голосе невольно проскальзывает упрек.

– Меня зовут Глеб, моя фирма расположена этажом ниже «Атланта».

– Майя, – представляюсь я, решив тоже обойтись без отчества и фамилии.

– Очень приятно, – улыбается Глеб. – У вас красивое имя.

Ладно, парень, считай, что я простила твою разговорчивость.

– Так вышло, что я давно сотрудничаю с «Атлантом» и как раз сейчас выполняю для них крупный заказ. А сегодня в «Атланте» с утра все разговоры только о внезапном увольнении вашей сестры...

– Можно поинтересоваться, что именно вы делаете для «Атланта»?

– Конечно. Наша компания занимается проектированием и внедрением систем безопасности. Ну знаете, все эти датчики, видеокамеры, электронные замки... Мы учитываем индивидуальные потребности заказчиков и создаем для них оптимальную схему использования технических средств и людей, производим установку техники, обучаем работать с ней. Для «Атланта» мы когда-то разработали довольно простенький вариант, а теперь проводим серьезную модернизацию.

– Понятно. И вы, значит, в курсе всех текущих событий?

– Ну, на такую осведомленность я не претендую. Но вижу и слышу действительно многое. И должен признаться, что сегодняшние события меня сильно зацепили.

– Почему?

– Дело в том, что фирмой я владею на паях с двоюродным братом. Брат намного старше меня, его сын сейчас студент, грызет гранит наук на юридическом и одновременно посещает не то экономические, не то финансовые курсы. Очень серьезный парень, ему еще два года учиться, но он уже определился, чем именно хочет заниматься. Его привлекает безопасность предприятия, в том числе экономическая и информационная, поэтому он предложил своему отцу расширить сферу деятельности и начать оказывать услуги по данному направлению. Мы с братом заинтересовались, стали зондировать почву и пришли к выводу, что идея племянника довольно перспективная. К её реализации мы пока не приступили, но мой образ мысли под влиянием этой темы существенно изменился. В общем, в истории с увольнением вашей сестры мне упорно мерещится второе дно.

Отлично. Мало мне бесследно исчезнувших документов и таинственного высокопоставленного любовника, теперь еще какая-то безопасность примешалась. У них тут зараза по всему зданию гуляет?

– Глеб, вы не могли бы все-таки уточнить, что именно вы слышали о случившемся с Юлей? – спрашиваю я.

– Да, разумеется. Насколько я в курсе, новый начальник – некто Железнов – вызвал Юлю к себе с важными документами, и неожиданно выяснилось, что часть этих документов отсутствует. Такие преступления, по мнению Железнова, караются немедленным увольнением, и ваша сестра была вынуждена написать заявление по собственному желанию, чтобы не быть

уволенной по другой статье. А в массы пошел гулять слух о том, что в действительности это был акт мести Железнова Юлиному покровителю.

Абзац. Это что же получается, ахинею про любовника скоро будет пересказывать весь город?

– Вы хорошо информированы, – сухо комментирую я. – Но при чем здесь проблемы безопасности?

– Пока не знаю. Но разрешите мне высказать догадку – ведь никакого покровителя не было?

– Первая здравая фраза за сегодняшний день, что я слышу, – буркаю я и спохватываюсь: – Простите, я не вас имела в виду...

– Все нормально, – смеется Глеб. – Я вполне понимаю ваши чувства. Я продолжу, с вашего позволения. Итак, странность первая – беспочвенные сплетни. Не такая уж редкость, строго говоря, но не будем все же её игнорировать.

– Странность вторая – пропавшие бумаги, – подключаюсь я.

– Точно. Добавим распространение слухов о напряженных отношениях Железнова с любовником вашей сестры, то есть с человеком, которого в действительности не существует.

– А кстати, – спохватываюсь я. – Почему вы в этом так уверены?

– До «Атланта» Юля занимала должность секретаря у моего хорошего знакомого. Тот был расстроен её уходом, хоть и знал, что рано или поздно это произойдет. Он был в курсе того, что она ищет работу по специальности и даже помогал советами.

– Подождите, а это не его, случаем, в Юлины хахали записали?

– Однозначно нет. У него твердые принципы – с подчиненными никаких шашней. И так уж получилось, что об этом знают все, кто работает в здании.

– Он ведет блог, в котором хвастается своими моральными устоями?

– С моральными устоями у него как раз некоторая напряженка. Просто однажды он не слишком деликатно отверг одну из Юлиных предшественниц, и получился знатный скандал на всю округу.

– Я гляжу, вы тут весело живете.

– Стараемся не грустить, – соглашается Глеб. – Давайте вернемся к нашей проблеме. Я сейчас понял, что неправильно выразился относительно существования Юлиного покровителя. Есть большая вероятность, что намеки касаются какого-то реального человека, и выдумана лишь его связь с вашей сестрой.

– Почему вы так думаете?

– Потому что ему приписывают не только амур с Юлей, но и ссору с Железновым. Многовато для фантома, вам так не кажется?

– Да, вы правы. А что там с подсчетом странностей, есть что-то еще?

– Можно кое-что добавить. Я успел покопаться в биографии Железнова, нашел парочку общих знакомых и навел у них справки. Конечно, информация не особо достоверная, так как Железнов несколько лет провел в Германии, и о его тамошнем поведении моим приятелям ничего не известно, но в целом мне его охарактеризовали как порядочного и адекватного человека.

Ха, вот бы Юля это слышала! Пожалуй, данную часть я ей пересказывать не буду.

– Даже если Железнов спятил совсем недавно, это скоро все заметят, – фыркаю я.

– Может, дело ограничивается редкими приступами? – парирует Глеб.

– Ага, или он просто забыл принять лекарство.

– И все же именно Железнову доверили контроль за реализацией сложнейшего проекта. Вы, полагаю, в курсе, что «Атлант» готовится к великим свершениям?

Я киваю и погружаюсь в уныние. В голове полный сумбур. Нагромождение нелепых слухов, показательное увольнение и грандиозная сделка никак не хотят укладываться в какую-либо логичную схему. Что же со всем этим делать?

Я поднимаю глаза на Глеба, как будто ожидаю услышать от него готовое решение или хотя бы совет. Лицо молодого человека снова оказывает благотворное и успокаивающее действие на мою психику. Я расслабляюсь, начинаю лучше соображать и – как следствие – до меня вдруг доходит, что с Глебом я знакома меньше часа и ничего не знаю о нем кроме того, что он сам рассказал.

А это вообще нормально, что я так подробно обсуждаю с практически посторонним человеком проблемы моей сестры? И он выглядит таким заинтересованным, таким обеспокоенным – неужели все это только из-за его увлечения вопросами экономической безопасности? И кстати, как раз про безопасность Глеб ничего толком не объяснил.

– Возможно, я плохо сегодня соображаю, но пока что мне совершенно не ясно, какую связь вы видите между сплетнями и вопросами экономической безопасности, – высказываю я претензию.

– Да, простите. Не так просто выразить в словах то, что пока имеет форму смутных ощущений, но я попробую. Дело в том, что на днях в «Атланте» покатила еще одна голова – на прошлой неделе был уволен начальник службы безопасности. Официально его отправили на пенсию, но я точно знаю, что его уход не был добровольным.

– Юлия ничего мне про это не говорила.

– Думаю, большая часть сотрудников восприняла новость абсолютно равнодушно. Событие наделало шуму только в очень узких кругах.

– Но все же наделало? Почему?

– Как я упоминал, когда-то наша фирма сделала для «Атланта» простой вариант охранной системы. Слишком простой. Заказ на модернизацию мы получили буквально на днях, детали согласовывались с новым начальником, и у него как-то вырвалось, что прежняя экономия здорово вышла «Атланту» боком. Поэтому прежнего начальника и турнули.

– Их что, обокрали?

– Я не знаю. Подробности со мной никто не делился.

Понятно. Выходит, Глеб, озабоченный проблемами безопасности, реагирует на любые происшествия в «Атланте», поэтому и увольнение Юли, сопровождаемое дикими слухами, его зацепило. Возможно, от меня он надеялся получить какую-либо информацию, странно только, что до сих пор не особо приставал с вопросами.

– Так зачем вы решили поговорить со мной? – прямо спрашиваю я.

– Поддался порыву. – В глазах Глеба неожиданно мелькают чертики, приводя меня в смятение и смущение.

– И что дальше?

– Если вам вдруг понадобится помощь, можете на меня рассчитывать.

– То есть, если наберется еще парочка странностей, вы в любой момент готовы их со мной обсудить?

– Я имел в виду что-нибудь более существенное. Но обсуждение странностей тоже подойдет.

– Ладно, договорились, – обещаю я почти серьезно.

– Мои координаты, на всякий случай, – Глеб протягивает мне визитку.

Я послушно принимаю прямоугольник из плотного картона и собираюсь уже засунуть его в кармашек сумки, но невольно бросаю взгляд на черно-белый текст. Логотип фирмы, должность, телефоны – все как положено.

– Фирма находится на четвертом этаже, – напоминает Глеб.

Это к чему? Неужели...

Ладно, не буду прикидываться, намек мне ясен.
Как и то, что безумие заразно.

Юля

Сентябрина смоталась в магазин, заказала пищу и ушла отмокать в ванную, оставив меня в одиночестве досматривать кино. Из потрясающей гидромассажной ванной раньше, чем через час сестра не вылезет, а значит, у меня есть время, чтобы взять себя в руки и перестать распускать нюни.

Подумаешь, потеряла работу! Не я первая, не я последняя. Будем жить дальше, потихоньку, минута за минутой, час за часом... И когда-нибудь мне станет легче. Лет через сто. Или раньше, если удастся добраться до Железнова и выцарапать ему глаза.

Сигнал домофона заставляет меня покинуть уютный диван. Я расплачиваюсь за пищу и ныряю обратно в подушки. Как хорошо, что есть Майя, у которой есть собственная квартира, где можно, закутавшись в мягкий плед, объедаться калорийной едой, смотреть старые комедии и не думать о завтрашнем дне.

После трех кусков пищи я чувствую себя немного лучше и почти с искренним интересом тарашусь в экран. Даже улыбаюсь в нужных местах. Мне хочется полностью раствориться в чужой, выдуманной жизни, лишь бы не вспоминать о своей собственной.

Увы, навязчивые мысли отступать не собираются. Особенно докучает одно соображение: не слишком ли быстро я сдалась? Может, если бы я отказалась писать заявление и Железнов, в соответствии со своими угрозами, попытался бы организовать мне увольнение по статье, на него нашлась бы управа?

Чем дольше я думаю об этом, тем яснее понимаю, что мои шансы на восстановление справедливости были весьма высоки. Всего-то и стоило дождаться Елену, и она бы ни за что не позволила испортить мне трудовую книжку. И вообще, кто, кроме непосредственного начальника может судить о том, насколько работник соответствует занимаемой должности? Кадровики у нас процедуру строго соблюдают и никакие Железновские закидоны им не указ. И чем бы крыл Железнов после того как ему бы подробно растолковали соответствующие положения Трудового кодекса? Дурь, блажь, заскок – вот и все его оправдания.

Но к чему сейчас эти умозаключения, если я собственноручно подписала свой приговор? Конечно, Железнов меня умело спровоцировал. Как будто прекрасно понимал, что только так от меня можно избавиться. Но почему? Что я ему сделала? Ответ, впрочем, очевиден – ничего! До прошлой недели я даже не знала о его существовании. Наверное, он просто хотел показать «Атланту» кто теперь главный, а тут я и подвернулась – нервная впечатлительная блондиночка, на раз-два заглотившая наживку.

Слабохарактерная идиотка. Нюня. Мямля, не умеющая шевелить мозгами в стрессовой ситуации. Давайте смотреть правде в глаза – я получила именно то, что заслужила своей бесхребетностью. Даже если бы я сообразила, что еще есть смысл потрепыхаться, это бы ничего не изменило. Я бы просто не смогла вернуться в отдел, все объяснить и ждать окончательного решения руководством моей судьбы. Я бы разревелась на глазах у коллег и от подобного унижения непременно застрелилась.

Рыдать перед сестрами не столь страшно, но и с этим пора заканчивать. Ежу ясно, что своим несчастным видом я причиняю им боль. Значит, надо найти в себе силы и убедить их в том, что я вполне справилась с эмоциями и не собираюсь слишком долго предаваться греху уныния. Слышала, психологи советуют улыбаться, даже когда совсем не до веселья, и тогда внутреннее состояние постепенно придет в соответствие с выражением лица. Вот и буду улыбаться, тем более, что я, кажется, смотрю комедию.

Я растягиваю рот до ушей и обращаю взгляд на экран, полная решимости выдавить из себя смех при первой же возможности.

Черт, титры.

К счастью, следом за окончившимся фильмом сразу начинается новый. Хорошо, что это старые, добрые, милые уму и сердцу «Девчата». Забавно звучит: «старые девчата». А как по-другому скажешь, если кино снято в начале шестидесятых, многих исполнителей уже и в живых то нет...

Сейчас так не снимают. И сейчас так не живут, не работают, не чувствуют... Как все это грустно...

Я смотрю на веселую, забавную Тосю, читающую лесорубам лекцию о картофельных блюдах, и на глаза сами собой наворачиваются слезы.

Да, перестала ныть, называется.

В дверях заворочался ключ – вернулась Майя.

И меня снова скрючивает спазм, на сей раз от стыда. Я не сомневаюсь: Майя давно сообщила, что я свалила колоссального дурака, но ни словом, ни взглядом меня не упрекнула и, бросив все свои дела, ринулась на помощь. А я осталась валяться на диване и проливать слезы. Ничтожество.

– Пицца? – принохивается сестра. – Хорошо, что я пирожными не соблазнилась, хоть и очень хотелось.

– Это где же тебя пирожными искушали, в «Атланте»? – поражаюсь я.

– Нет, в кафе близ остановки. Я там аудиенцию давала.

– В смысле?

– Сейчас расскажу. А пиво вы, случайно, не купили?

– Обижаешь. Дождается тебя в холодильнике. Обычное и безалкогольное.

– Безалкогольное мне? – хмурится Майя. – Но я, честно говоря, сегодня никуда больше не собираюсь.

– Тогда его буду пить я.

– Похвальное благоразумие, – хмыкает сестра, бросив взгляд на полупустую бутылку коньяка.

Она приносит из кухни стаканы, тарелки, салфетки, но не успевает поднести кусок пиццы ко рту, как домофон начинает трезвонить.

– Это еще кто? – вздрагиваю я.

– А, не волнуйся, – машет рукой Майя. – Это мой сотрудник, ему моя подпись на чем-то срочно требуется. Не бойся, он всего на минутку и сюда не сунется.

Майя выходит в прихожую. Я слышу, как она пускает кого-то в квартиру, чему-то смеется, ей вторит мужской голос. Щелкают замки портфеля, раздается испуганный писк не вовремя выглянувшей из ванной Сентябрины... Вскоре хлопает входная дверь, и Майя возвращается в комнату.

Переодевшись в футболку и старые джинсы, сестра усаживается по-турецки на ковер и ставит перед собой тарелку. Чем-то недовольная Сентябина присаживается ко мне на диван.

– Ты, сестричка, оказывается, имеешь высоких покровителей, – изрекает Майя между двумя глотками пива.

Это что за шутки? Я недоуменно тарашусь на старшую сестру.

– За Юлю кто-то заступился, и её снова берут на работу? – радуется Сентябина.

– Увы! Это три месяца назад её взяли на работу якобы по протекции таинственного благодетеля, – поясняет Майя. – А точнее, влиятельного любовника.

– Что-о? – я едва не давлюсь пиццей от удивления и возмущения. – Это кто такое выдумал?

– Ходили слухи. За твоей спиной, как я понимаю. И сейчас одна из версий твоего неожиданного увольнения – месть Железнова посредством тебя этому покровителю.

Я впадаю в ступор. Сестры терпеливо ожидают моей реакции, но напрасно.

– Информация получена от Миши. Имени твоего хахалы он не знает, – добавляет Майя.

Я продолжаю безмолвствовать.

– У тебя есть хоть какие-то соображения? – не выдерживает Майя. – Почему про тебя сплетничали? Что у вас говорили про Железнова? Включай, наконец, мозги, напрягай память!

Я медленно втягиваю воздух, делаю глубокий выдох и послушно пытаюсь сосредоточиться. Даже зажмуриваюсь от усердия.

Сплетни. Обо мне ходили сплетни. Но я, честное слово, ничего об этом не знаю! Ни разу не замечала ни косых взглядов, ни кривых ухмылок, в родном отделе все были ко мне весьма доброжелательны, при контактах с работниками из других подразделений проблем не возникало... Конечно, это не показатель, ведь многие смотрят на трудоустройство «по знакомству» снисходительно. Обсудить нечто подобное в обеденный перерыв с сослуживцами – самое милое дело, а шпынять объект протекции совсем не обязательно. К тому же, если покровитель обладает влиянием, с его подопечным никто не рискнет портить отношения. А мой мифический любовник, судя по всему, из довольно высоких сфер, раз Железнов на него зуб имеет.

Подождите, это что же такое получается? Кретин Железнов вышвырнул меня с работы из-за беспочвенных слухов?

Я испускаю сдавленное рычание и подвожу итог своим размышлениям:

– Никто и никогда в моем присутствии не намекал мне на то, что я получила работу по благу. Я отправляла в «Атлант» резюме, сперва они не отреагировали, но потом пригласили на собеседование. Я встречалась с дамой из кадров и с начальницей юридического отдела. Через неделю после этого мне предложили должность. Но, как известно, для возникновения сплетен никакой фактической базы и не нужно: один предположит, другой подхватит, третий выдаст за непреложную истину... Если Железнов в своих поступках руководствуется такими мотивами как месть, а смутные слухи путает с достоверной информацией, то, значит, он полный болван и ничтожество, и я рада, что не буду работать под его руководством! – я завершаю торжественную речь негодующим фырканьем.

Сентябрина смотрит на меня с уважением, а вот Майя, кажется, не слишком впечатлена.

– Не забывай, что это – всего лишь одна из версий, возможно, абсолютный мыльный пузырь, – начинает она, протягивая мне пиво. – К тому же не все так просто.

– То есть? – не понимаю я.

– Слушай, тетя Фрося с тетей Зосей из соседнего отдела могли сколько угодно перемыть тебе кости, но вряд ли Железнов при этом составлял им компанию. Или в высоких кругах тоже ходили о тебе сплетни? Что-то с трудом верится...

Сперва я не улавливаю Майину мысль, что весьма печально характеризует мое умственное состояние, потом до меня доходит.

– Ты права, – признаю я. – Допустим, есть человек, которому Железнов хочет за что-то отомстить. И этого же человека по неизвестной причине записали мне в любовники. Но как именно Железнов мог ознакомиться со слухами, гуляющими по нашей конторе?

– Ты меня спрашиваешь? – интересуется Майя.

– Нет, космос.

– Подождите, я не поняла, – встречается Сентябрина. – Так он существует?

– Космос? – ошарашенно поворачиваюсь я к ней.

– При чем тут космос? Твой покровитель!

– Я полагаю, что Юле инкриминируют связь с кем-то конкретным, – вносит ясность Майя. – В пользу этой версии говорят слухи о мести Железнова. Выдумать для красивой молодой женщины наличие папика – это одно, но нафантазировать конфликт с несуществующим персонажем как мотив для увольнения – уже перебор.

– А может и нет, – возражаю я. – Смотри, что получается. Железнов у нас только что появился, и дня толком не проработал. Откуда, скажи на милость, кто-то в «Атланте» может

знать про его конфликты с кем бы то ни было? В прошлый четверг Железнова только ленивый не обсуждал, и никто ни о чем подобном не заикался!

– Да, действительно, – хмурится Майя. – И когда бы он вообще успел испортить с кем-то отношения? Твой мифический любовник что, москвич?

– Ага, еще скажи немец! – вскидываюсь я и поясняю: – Железнов до не давних пор в Германии работал. Только недавно в Россию вернулся, специально для работы в «Атланте».

– Я сдаюсь, – разводит руками Майя. – Предлагаю обсуждение вопроса временно свернуть. Завтра постараемся раздобыть побольше информации...

– Юль, а ты точно уверена, что тебе никто не покровительствовал? – с невинным видом вопрошает Сентябрина.

Я хлопаю глазами, Майя замирает с открытым ртом. А Сентябрина как ни в чем не бывало развивает свою мысль:

– На прошлой работе ты же постоянно контактировала с разными высокими начальниками! Кто-то из них мог где-то что-то сказать...

Майя в изнеможении закрывает глаза и обхватывает руками голову.

– С какой стати кто-то бы стал за меня просить, – растерянно лепечу я. Майя тут же реагирует на нотки неуверенности в моем голосе.

– Ты действительно допускаешь мысль, что какой-то старпер бескорыстно за тебя похлопотал и деликатно отошел в сторонку? – рявкает она.

– Почему старпер?

– Мы уже определились с тем, что твой благодетель должен занимать высокий пост. Вряд ли он свеж и молод.

– Железнов относительно молодой, – не к месту замечаю я.

– Хорошо, – раздраженно соглашается Майя. – Благодетель среднего возраста.

– Да не было никакого благодетеля! – ору я.

– Вот теперь верю. Почти.

Я обиженно поджимаю губы, но Майя, не обращая внимания на мои оскорбленные чувства, вскакивает и начинает ходить из угла в угол, засунув руки в задние карманы джинсов. Я тупо провожаю взглядом её перемещения и вскоре замечаю, что напоминаю пружинного болванчика. Тогда я закрываю глаза и пытаюсь выжать из себя хоть одну умную мысль.

Бесполезно. Я все еще в шоке от новостей. Какие-то сплетни, какая-то месть...

И вдруг я понимаю, что испытываю некоторое облегчение. Если Железнов бил прицельно по мне, то я могу больше не терзаться угрызениями по поводу своей глупости и слабости. Кто знает, на какие меры он бы пошел, вздумай я оказать сопротивление.

Да, но если Железнов изначально был настроен меня уволить, то как бы он это сделал, будь документы в порядке? Выходит, ему банально повезло, что спецификаций не оказалось на месте?

Он просил меня выйти в приемную к секретарю.

Он ведь не мог... Или мог?

– О, вот она! – вдруг восклицает Майя. – Вернулась!

– Ты о чем?

– Мысль вернулась! Напомни, пожалуйста, как именно ты попала в кабинет к Железнову. Вроде ты говорила, что он звонил вашему заму, а не вызывал тебя конкретно, правильно?

– Да, он хотел видеть договоры с немцами и ответственного по ним юриста.

– То есть, он не мог знать, что придешь именно ты?

Мы думаем об одном и том же?

– Зависит от того, насколько Железнов умеет пользоваться нашими рабочими программами.

– Объясни.

– Это называется автоматизированный документооборот. У руководства уровня Железнова есть доступ к данным всех отделов.

– И в программе было зафиксировано, что договоры находятся у тебя? Ясно. А, кстати, почему ты сидела на неподписанных договорах? Если они касались поставок комплектующих, то разве не технический отдел...

– Да, все правильно, – перебиваю я. – Но так уж случайно получилось. Помнишь, я говорила, что оригиналы договоров немцы нам послали вместе с другими документами? Так вот, те документы предназначались именно для юридического отдела, поэтому мы приняли весь пакет. Это было в четверг вечером. Организовывать подписи на договорах должен был один сотрудник технического отдела, я собиралась передать ему документы в пятницу, но он весь день провел в цехах, пришлось отложить до понедельника.

– Если на данном этапе ты не должна была иметь дело с оригиналами договоров, то зачем понадобилась вешать их на тебя в этой вашей программе?

– Ну, тут совсем другая история! Мне рассказывали, что еще не так давно с документооборотом в «Атланте» было не все благополучно, а работа над проектом для Моргунова требовала четкости и оперативности. Незадолго до моего прихода в «Атлант» была приобретена программа, и директор приказом по организации велел заносить в неё малейшие перемещения документов. С тех пор это правило соблюдается очень строго.

– Что именно было прописано в программе про договоры с немцами? – допытывается Майя.

– Абсолютно все. Количество страниц в договоре и приложениях, стадия работы над ними...

– Ладно, с этим ясно. Значит, в четверг вечером ты приняла договоры и всю пятницу они были у тебя. Ими кто-нибудь интересовался?

– Я интересовалась. Мне нужно было убедиться, что немцы не внесли изменений в текст. Поэтому я сняла копии и работала с ними почти всю пятницу.

– Кстати, а на каком языке были составлены договоры?

– На английском. Так что дело у меня шло довольно медленно.

– Хорошо, кроме тебя интересующиеся были?

– Экономисты. Они хотели уточнить цифры для бюджета. Я сделала для них копию. И нет, я не дала им по ошибке оригиналы! Я снимала им копию со своей копии.

– И в копии ты спецификации не забывала, потому что в этом случае их бы давно нашли.

– Точно.

– Значит, только экономисты?

– Вроде бы... Да, – вспоминаю я, – еще Алла из нашего отдела в них заглядывала. Она над похожими документами работает, и у неё возникли трудности с формулировками.

– И ей ты тоже сделала копию?

– Нет, мы с ней над моим экземпляром посидели.

– Могла она в твоё отсутствие сунуть нос в оригиналы?

– Вряд ли...

– Но это не исключено?

– Нет, наверное. Но ей сам текст договора был нужен, а не спецификации.

– Значит, она могла отложить их в сторону и забыть убрать на место?

– Теоретически... Но тогда бы спецификации уже нашлись.

– Согласна, – вздыхает Майя и снова принимается мерить шагами комнату, потом усаживается на пол и сосредоточенно над чем-то размышляет.

– Совершенно бредовая идея, – с трудом разбираю я её бормотание.

– Какая? – требую я.

– Четвертый этаж...

Действительно, смахивает на бред.

Сестра тянется к своей сумке, вытаскивает из бокового кармашка маленькую картонку и принимается её рассматривать.

– Майоров Глеб, технический директор ООО «Аларсит», охранные системы для предприятий. Не знаешь такого? – обращается она ко мне.

– Нет. Вроде не знаю. А кто это такой? Я должна его знать?

При чем здесь какой-то посторонний мужик?

– Этот «Аларсит» располагается этажом ниже «Атланта».

– А, они, кажется, что-то в плане охраны для «Атланта» делают, – соображаю я.

– Ты не в курсе, почему в «Атланте» взяли охранную систему модернизировать?

– Нет. То есть... Подожди, что-то я слышала на эту тему, – я с трудом напрягаю память. – Вроде бы реализация проекта требует усовершенствованной системы, не знаю, правда, почему.

– А еще в «Атланте» с недавних пор новый начальник службы безопасности, старого на пенсию отправили.

– Серьезно? Я это как-то пропустила. А ты откуда знаешь?

– От господина Майорова.

– От директора «Аларсита»? – поражаюсь я. – Откуда он вообще взялся?

– Он мне представился, сказал, что знает о твоём увольнении, предложил помощь.

– С какой радости? – изумляюсь я.

– По доброте душевной, – пожимает плечами Майя.

– Еще один бескорыстный благодетель, – вставляет Сентябрьна.

Меня передергивает. Потом я вспоминаю Майины слова.

– Так это ему ты аудиенцию в кафе давала? А еще кому?

– Его было вполне достаточно. Помимо Миши, конечно.

– Ты упоминала, что о моем мифическом любовнике тебе Миша рассказал. А о том, что Железнов мог ему мстить?

– Оба. О любовнике, кстати, тоже.

Здорово. Просто класс. И как на это реагировать? Лично я понятия не имею. Полный умственный и эмоциональный паралич. Вот бы проснуться и понять, что мне просто привиделся кошмар.

Я украдкой щипаю себя за предплечье. Черт, больно!

– Увы, подруга, ты не спишь и не бредишь, – раздаётся голос Майи. – Хотя, это вариант...

– Что именно?

– Сделать вид, что тебе приснился страшный сон, растереть, забыть и начать искать новую работу.

– Думаешь, у меня получится? – с горечью восклицаю я.

– Думаю, нет, – вздыхает сестра. – Но в любом случае нам нужен тайм аут. Чем ломать сейчас голову, лучше употребить лекарство для нервной системы, а завтра на свежую голову пораскинуть мозгами.

– Предлагаешь мне налакаться валерьянки?

– Валерьянка, пустырник, пион, коньяк – выбирай.

– Боюсь, после такого лечения мои мозги завтра окажутся недееспособными.

– Ничего, зато мои будут в порядке.

Мило. Мне опять предлагается роль истеричной барышни, не способной справиться со своими проблемами. Ну уж нет, пора менять имидж.

Я хватаю бутылку коньяка и демонстративно убираю её в шкаф. Затем начинаю разгребать заваленный грязной посудой стол.

– Я наведу порядок и лягу спать, – ровным голосом информирую я. – И обойдусь без лекарств.

Майя молча пожимает плечами, но смотрит на меня одобрительно.
И впервые за весь день я чувствую некоторое облегчение.

Сентябрина

Вечером я поехала домой. Конечно, при желании Майя и меня могла бы разместить на ночь, но мне бы тогда пришлось спать на надувном матрасе и подниматься утром ни свет ни заря. Первый клиент у меня завтра назначен на половину десятого, от Майного дома пришлось бы ехать с пересадками. И почему я до сих пор права не получила? С другой стороны, машина мне пока не по карману, а с кредитом связываться ой как не хочется...

Я бездумно смотрю в темноту за автобусным стеклом. Настроение ниже плинтуса, и Юлино увольнение здесь совершенно ни при чем.

Кажется, я вела себя достаточно естественно и сестры ничего не заподозрили. Понятное дело – им было не до меня. А вот мне последние пару часов пришлось прилагать серьезные усилия, чтобы не отвлекаться от Юлиных проблем и следить за ходом Майиной мысли, в то время как в голове был только...

Наверное, я плохая сестра, я эгоистка, я не способна на настоящее сочувствие, но черт все возьми, и Юля и Костик в один день – это уж слишком!

С Костиком – сотрудником Майи – я познакомилась несколько месяцев назад на новогоднем корпоративе. Незадолго до мероприятия Майя окончательно рассталась с её тогдашним кавалером и пригласила на гулянку меня. Я согласилась не раздумывая и провела упоительную ночь. Майино руководство решило не скупиться и сняло до утра шикарное заведение. За нашим столом подобралась очень веселая компания, я быстро познакомилась с Майиными сотрудниками и чувствовала себя в их обществе свободно и легко.

Костик произвел на меня впечатление с первой минуты. Молодой, симпатичный, общительный, энергичный, остроумный, воспитанный и образованный – половины этих достоинств хватило бы для того, чтобы я увлеклась, а уж в комплексе они сразили меня наповал. Я танцевала с ним три раза, первый раз еще ни о чем таком не помышляя, второй раз тая от блаженства, а третий раз... Нет слов. Мне тогда казалось, что это лучший момент в моей жизни, одних лишь воспоминаний о котором хватит для полного счастья на веки вечные.

Но увы, воспоминаний никогда не бывает достаточно. Костик не ухаживал за мной, лишь проявлял внимание в рамках обычной галантности, а я не навязывалась и проявляла скромность. Вот и получилось, что я не особо заинтересовала молодого человека. Он, наверное, уже через пару дней забыл о моем существовании, а вот я...

Нет, нельзя сказать, что я все это время только и делала, что страдала от неразделенной любви. Не думаю, что мои чувства вообще можно называть любовью. Скорее уж, мечтой о любви. Светлой мечтой, заключающей в себе робкую надежду.

Как же я хотела снова его увидеть! Фантазировала, воображала детали... Ради Костики я проводила часы перед зеркалом в попытках справиться со своими лохмами, обдумывала темы для интеллектуальной и занимательной беседы, старалась подражать Майиной походке и даже пробовала строить глазки. Я твердо решила: при следующей встрече, если она каким-то чудом состоится, я буду выглядеть наилучшим образом и продемонстрирую все свои достоинства.

Ну что же, вот она и произошла, эта желанная, долгожданная встреча. Я появилась перед героем своего романа в самом незабываемом виде: босиком, в банном халате, с тюрбаном на голове, и, ограничив интеллектуальную беседу возгласом «Ой, мамочки!», скрылась, слегка поскользнувшись, в ванной комнате.

Что и говорить, мечты сбываются.

Нет, к родителям надо было выгнать Майку, а мы с Юлькой составили бы замечательную компанию несчастных, поскуливающих и обиженных на жизнь неудачниц.

Увлечшись самоедством, я чуть не проезжаю свою остановку. Поспешно проталкиваюсь к двери под осуждающими взглядами пенсионеров и в последнюю секунду весьма неизящно

вываливаюсь на улицу, едва успевая вытащить рюкзак из уже захлопывающихся дверей. Да, вот она я – несобранная, недотепистая простушка. Ходячая компрометация моих неподражаемых сестер.

Приближаясь к подъезду, я скидываю рюкзак на ближайшую скамейку, дабы приступить к ежевечернему ритуалу поиска ключей.

– Сентябрина! – вдруг слышится смутно знакомый голос. Я резко разворачиваюсь и отказываюсь верить собственным глазам. На противоположной лавке сидит Костик.

Сердце совершает кульбит, дыхание перехватывает, коленки слабеют – организм сильно опережает в своих реакциях сознание, которое я тщетно напрягаю в попытках подсчитать количество потребленного спиртного. Нет, капли коньяка и стакана пива явно недостаточно для столь отчетливых галлюцинаций.

Морок тем временем встает и голосом Костика продолжает:

– Я позвонил Майе, узнал, что ты уже ушла домой. Она сказала мне твой адрес. Дело в том, что мне очень надо с тобой поговорить!

Я тупо безмолвствую.

– Пожалуйста! – настойчиво добавляет Костик. – У тебя есть сейчас время?

Не молчи, кретинка! Скажи хоть что-нибудь!

Я пытаюсь одновременно кивнуть, улыбнуться и небрежно пожать плечами с видом «да нет проблем!». Получается довольно глупо. Ох, что же мне делать? Пригласить его на чай? Куда, в разгромленную мамулей квартиру?

– Понимаешь, – говорю я и с облегчением осознаю, что ко мне вернулся дар слова, – у нас сейчас ремонт...

Что, если он предложит куда-нибудь пойти? А я, как обычно, в старых джинсах...

– Может, посидим в машине? – Костик указывает на припаркованную «Шкоду».

– Давай, – с готовностью соглашаюсь я.

Костик забирается на водительское сиденье, я устраиваюсь рядом. Как все это странно и невероятно!

Машина почему-то действует на меня позитивно. В ней тепло и уютно. От моего оцепенения не остается и следа, наоборот, я чувствую легкий мандраж, эмоциональный подъем и всепоглощающее любопытство. Что же за срочное дело привело Костика к моему дому? Ни за что не поверю, что при виде меня в банном халате парень потерял голову. Однако наше неожиданное столкновение у Майи и настоятельное желание Кости встретиться вновь должны быть как-то связаны между собой.

– Знаешь, ты, возможно, сочтешь меня сумасшедшим, и я даже не буду в претензии, – со вздохом произносит Костик. – Просто очень прошу тебя выслушать сперва всю историю...

– И уже потом уносить ноги?

– Ну... примерно.

Интригующее начало.

– Все в порядке, у меня крепкие нервы, – заверяю я его и обращаюсь в слух.

– Видишь ли, у меня есть одна знакомая девушка...

Что? Он приехал ко мне, чтобы побеседовать о какой-то девице?!

– То есть, у меня есть друг, – поправляется Костик. – Друг детства.

Ничего себе, перепутал! Его друг сделал операцию по смене пола, а Костику не с кем поделиться переживаниями?

– А у него есть младшая сестра, – продолжает тем временем Костик, не подозревая о моих идиотских мыслях. – Боевая девчонка, часто составляла нам компанию... В последнее время мы редко видимся, так как Толик уже два года как живет в другом городе, а Эля учится в Санкт-Петербурге. И вот недавно я узнал, что она завела роман с женатым мужчиной.

Я внимательно слушаю, хотя и совершенно не понимаю, какое все это имеет ко мне отношение. Подумаешь, роман с женатиком! Дело житейское, хотя и бесперспективное.

– Примерно три месяца назад они поссорились из-за какой-то ерунды и расстались, а потом Элька обнаружила, что она беременна.

Хм, становится похоже на дамский роман.

– Эля – девица романтичная, ребенку жутко обрадовалась, – Костик прерывается, чтобы глотнуть минералки. Опустошив наполовину пластиковую ёмкость, он очень медленно закручивает пробку, потом весьма неуклюже пытается пристроить бутылку у рычага переключения скоростей.

Такое ощущение, что он не собирается продолжать своё душеспитательное повествование. Я уже должна как-то реагировать? Боюсь, Костик переоценил мои умственные способности...

– Это, если можно так выразиться, было первое предисловие, – сообщает Костик.

Отлично, значит, реагировать пока не требуется!

– Теперь будет второе.

Любопытно, а потом будет еще основная часть и парочка послесловий?

– У Эли с Толиком весьма своеобразная и очень состоятельная семья. Богатство сколотил еще их дедушка, основав какое-то процветающее предприятие. Дед уже умер, оставив своему сыну, то есть отцу моих друзей, само предприятие, а своей жене – надежно размещенные и весьма значительные финансовые средства. Также дед оставил супруге письмо, в котором просил её выделить определенную сумму внукам при их вступлении в брак и при рождении ими детей. Так вот, бабка тогда заявила, что письмо не было для неё неожиданностью. Будто бы этот вопрос она обсуждала с дедом во всех подробностях, и они сошлись во мнении, что деньги будут переданы Эле и Толику только в том случае, если бабушка будет довольна их поведением и если она одобрит их выбор спутника жизни.

– Хорошенький способ держать внучат в ежовых рукавицах, – не удерживаюсь я от комментария.

– Именно так, – подтверждает Костик. – Старая ведьма постоянно вмешивалась во все дела потомства, и когда два года назад Толик объявил, что женится на разведенной даме, имеющей ребенка от первого мужа, немедленно воспользовалась своим самопровозглашенным правом отказать в финансировании. Толик взбрыкнул, заявил, что сам сможет обеспечить семью, сыграл скромную свадьбу и уехал с женой и ребенком в другой город. Кстати, он там хорошо устроился, зарабатывает прилично и вполне счастлив. Но у Эли, как ты понимаешь, вырисовывается совсем другая ситуация.

– Это точно.

– Безработной Эле с ребенком на руках причитающаяся ей сумма – а счет идет на миллионы – весьма бы пригодилась. Но свою бабулю она знает хорошо и даже представить боится её реакцию на известие о беременности незамужней внучки от женатого мужчины. Эля поделилась проблемой с братом, после чего они оба обратились ко мне с довольно диким, на первый взгляд, предложением. А именно – меня попросили жениться на Эле.

Я потрясенно молчу. В теплой машине вдруг становится очень холодно, и мне приходится делать невероятные усилия, чтобы не стучать зубами. Костик женится...

– Дело в том, что мы знали, – как ни в чем не бывало вещает Костик, – мою кандидатуру бабка одобрит. Поэтому ребята и попросили меня побыть пару лет Элькиным мужем. Не безвозмездно, конечно. Сперва я, понятное дело, покрутил пальцем у виска, но, поразмыслив как следует, согласился: и деньги пригодятся, и Эле надо помочь.

Костик замолкает и косится на меня. Думает, я начну удивляться, охать и ахать? Или хлеще того – отговаривать от безрассудного поступка? Нет уж, пока воздержусь. Ведь неспроста он решил именно мне поведать эту поразительную историю...

– Я слушаю, продолжай, – ободряюще улыбаюсь я молодому человеку, втайне рассчитывая, что выдержка и спокойствие принесут мне хорошие бонусы.

– Да, поехали дальше, – вдохновляется Костик. – Родителей Эля в свой план посвятила. Они – мировые старики, отнеслись ко всему с пониманием, дали добро на наш временный брак. Не сразу, правда. Как я упоминал, они люди состоятельные, Элю с ребенком бы смогли содержать без проблем. Но отец затаил обиду на бабушку из-за того, что та не дала денег внуку под нелепым предлогом, поэтому довольно легко поддался на Элины уговоры. В общем, родители сдались, после чего радостную весть сообщили бабушке. Мы поведали ей трогательную историю о нашем романе, который начался два года назад, когда Эля брала академический отпуск и много времени проводила в городе. Время и разлука только укрепили наши чувства, но мы устали быть вдали друг от друга, поэтому хотим официально оформить отношения и начать счастливую совместную жизнь. Бабуля дала свое благословение и повелела отмечать событие со всем размахом. И все шло по плану, как вдруг ситуация резко изменилась. Элин любовник прибежал к ней с мольбами о прощении, узнал о ребенке и помчался к жене с требованием развода. Оказывается, он давно мечтал о детях, а жена то ли не могла, то ли не хотела, не важно. Жена, как ни странно, согласилась без скандалов, поэтому заявление они подали не в суд, а в ЗАГС, и в скором времени Элькин хахаль станет свободным человеком.

– Сплошная идиллия, – вставляю я.

– Ага, только есть маленький нюанс. Если Эля отменит свадьбу со мной, с мечтами о денежном вливании ей придется расстаться. Во-первых, бабуля ей не простит аморалки и обмана, а во-вторых... Все дело в свадебном банкете. Представляешь, активная старушка вовсю пользуется интернетом и поддерживает отношения с невероятным количеством близких и дальних родственников, разбросанных по всему миру. И вся эта толпа родичей, о которых не только Эля с Толиком, но даже их родители если и знают, то лишь понаслышке, звана на свадьбу. Приглашение приняли почти все – обрадовались, как мне кажется, поводу увидеться, потрясти украшениями, похвастаться успехами. Так что Элина свадьба для бабушки – вопрос престижа, срыва мероприятия она не переживет.

Забыв о ревности, я жадно ловлю каждое слово, а перед внутренним взором разворачивается картина невероятного бракосочетания. Хоть бы одним глазком взглянуть на такое!

– Тогда, пораскинув мозгами, мы придумали следующий ход, – продолжает Костик, не замечая моего возрастающего интереса. – Заявление о регистрации брака мы заберем, но свадебный банкет отменять не будем. Мы организуем так называемую выездную регистрацию, которая в действительности будет театральной постановкой. Собственно, меня такой вариант устраивает со всех сторон, хоть я и проигрываю по финансам – ведь если не нужно два года официально состоять в браке, то и вознаграждение должно быть существенно меньше. Но неделю назад Элины дела еще больше запутались.

Костик снова замолкает, подкрепляется водичкой и поворачивается ко мне.

– Утомил я тебя? – спрашивает он с виноватой улыбкой. – Даже не думал, что в изложении это так долго окажется.

У него такие глаза ... не то, чтобы насмешливые, скорее, озорные. С такими глазами невозможно скучать или унывать, думаю я. Они излучают жизнелюбие, заряжают оптимизмом и радостью, растекающейся по телу пузырьками шампанского.

Смутившись, я отвожу взгляд и немного хрипло произношу:

– Хоть я и не поняла, почему ты мне все это рассказываешь, но очень хочу услышать продолжение. Захватывающий сюжет получился, лучше, чем в дамском романе.

– Верю на слово, – хмыкает Костик. – Осталось совсем чуть-чуть, я уже подхожу к самому главному. Так вот, три дня назад Леонид – так зовут Элиного любовника – огорошил её известием, что из Адлера прилетают его любимые мамочка и тетушка специально для знакомства с будущей супругой ненаглядного сыночка. Отец у Леонида умер давным-давно, детство и моло-

дость он провел под опекой мамули и её сестры-близнеца. Собственно, жена, с которой Леонид оформляет развод, у него уже вторая. Его первая жена сбежала через год после свадьбы, не выдержав испытания свекровью в двух экземплярах. Как я понял, мама с сестрой не злые и не вредные, просто они задушили своей заботой и опекой, в сочетании с зашкаливающей мнительностью. После первого развода Леонид, демонстрируя заботу о здоровье пожилых леди, купил им дом на Кавказе. Поэтому его второй брак просуществовал несколько лет. Но сейчас, в порыве счастья, он поведал дамам, что скоро станет отцом, и те немедленно засобирались на смотрины. Леонид условился, что встретит маму с тетушкой в аэропорту, отвезет их к себе освежиться, после чего доставит в ресторан, где состоится знакомство с будущей невесткой и празднование помолвки. Угадай, в какой именно день они прилетают?

Несложная задачка, понятное дело, что при таких обстоятельствах закон подлости не мог не проявить себя во всей красе.

– В день вашей фальшивой свадьбы, – уверенно заявляю я.

– Само собой, – вздыхает Костик. – И получается, что ситуация складывается пиковая. Свадьбу перенести не получится, и встречу с будущими родственницами тоже никак не отменить. Как я уже упоминал, дамы жутко мнительные. Если просто отложить знакомство без объяснений причин, они вообразят бог весть что и будут припоминать это Эле до конца жизни. Если сказать им правду, даже под большим секретом, то на следующий день об этом будет знать весь Санкт-Петербург, а к концу недели вся страна. Придумать какую-нибудь уважительную причину для отсутствия Эли в день прилета свекровей у нас никак не получается. Элька дергается и нервничает, а в её положении это очень вредно. Я всю голову сломал. И вдруг, сегодня, когда я тебя увидел...

Ох-х-х. При мысли о том, что именно увидел Костик, вся моя эйфория улетучивается.

– Ты показалась мне такой похожей на Элю!

Показалась? Сейчас уже не кажусь? Я похожа на эту неведомую Элю только в банном халате?

– И меня вдруг осенило! Если бы ты согласилась сыграть роль Эли на свадьбе... В смысле, притвориться ею... Я созвонился с Элей, она обеими руками за! – Костик прерывается и слегка испуганно смотрит на меня, ожидая, по-видимому, всплеска эмоций. И совершенно напрасно – я полностью утратила дар речи.

Нет, я определенно что-то не так поняла, не мог же он предложить...

Наверное, надо что-то отвечать, но я не в состоянии. Дыхание перехватило, в ушах вата, а собраться с мыслями страшно мешает навязчивый образ собственной персоны в махровом халате до пят, вышагивающей с нарядным Костиком под марш Мендельсона.

– Эля готова хорошо заплатить, – поспешно добавляет Костик.

Я продолжаю таращиться на него, как чиновник на китайскую грамоту.

– Может, ты хотя бы подумаешь?

– Я что-то плохо себе представляю... – выдавливаю я наконец.

Костик немедленно оживает.

– Я успел все обмозговать, пока тебя ждал. Смотри, эта так называемая выездная регистрация – мероприятие исключительно для красоты, по крайней мере, в нашем городе. Настоящее бракосочетание совершается только в стенах ЗАГСа. У нас эта процедура якобы назначена на пятницу. Так вот, в пятницу я с настоящей Элей и фальшивым свидетельством о браке присутствую на праздничном ужине для самых близких родственников, где, естественно, будет и бабушка. Рано утром Эля уедет в аэропорт. Торжественная регистрация и свадебный банкет назначены на четыре часа дня в ресторане «Парнаса». Забыл сказать, бабушка проживает отдельно, в субботу она явится сразу в ресторан. Думаю, она плотно займется своими гостями, и ей уже будет не до молодых. Свадьба устраивается по западному образцу: ни выкупа, ни тамады, ни конкурсов. Молодожены покидают банкет раньше всех. Полагается ехать в свадеб-

ное путешествие, но мы ограничимся номером для новобрачных в одном из лучших отелей города.

– Подожди, свадьба будет в «Парнасе», а номер для первой брачной ночи в другом месте?

– Да, в «Глобусе». Бабушка решила, что отъезд молодоженов на автомобиле эффектнее, чем подъем на лифте. Возможно, она права. А следующий день Эля вернется первым же самолетом, и вы снова поменяетесь. Ну как?

– Не знаю, надо подумать, – изображаю я нерешительность, в то время как все мое существо хочет разразиться радостным воплем: «Да-а-а!» Почти целый день вместе с Костиком, в свадебном наряде... О боже, какое искушение!

Но нельзя же сразу соглашаться, он или подумает, что я недалекая девица или догадается о моих чувствах. Вдобавок, свадебная затея может оказаться совсем не такой простой, как рисуется Костику. Требуется все взвесить, просчитать... Только сейчас я на это неспособна, сперва нужно успокоиться, полить на голову холодную водичку...

И тут меня осеняет:

– Я должна посоветоваться с Майей!

– Это непременно, – усмехается Костик. – Я и не помышлял скрывать подобную авантюру от любимого начальства.

– Когда свадьба?

– Уже в субботу, – признается Костик.

– На этой неделе? – подпрыгиваю я.

– Целых четыре дня на подготовку.

Я судорожно глотаю воздух. Всего четыре дня!!! Вот теперь я точно не состою сообщать.

– Ладно, я прямо сейчас позвоню Майке.

– И у меня завтра будет веселое утро, – вздыхает Костик, а потом серьезно добавляет:

– Спасибо тебе огромное. За то, что сразу не отказалась.

Пребывая в некоторой прострации, я гляжу вслед синей «Шкоде». Этот разговор действительно состоялся? И я получила предложение сыграть роль фальшивой невесты? Принять участие в захватывающем приключении?

Представляю, что скажет Майя. Точнее, совершенно не представляю. Наверняка сумеет отпустить меня с небес на землю. Но, с другой стороны, от проблем Костика она не отмахнется. Теперь, когда он нам доверился, пути назад уже нет.

Вот так история...

Вторник

- Это была отличная импровизация.*
- Да, роль офисного тирана мне удалась на славу. Странно, что я не прыгаю от восторга.*
- А я вот прыгаю и вам советую присоединяться.*
- Хотите сказать, что план сработал?*
- Есть серьезные основания рассчитывать, что сработает в лучшем виде.*

Майя

С утра я провела две успешные встречи в офисе, затем посетила одну важную стройку, вернулась в контору, сходила на совещание... В общем, провела время насыщенно и разносторонне. Но вот уже, наверное, битый час я сижу в своем уютном кабинете и предаюсь довольно однообразному занятию, а именно – задумчиво созерцаю экран ноутбука, с которого мне бодро улыбается технический директор ООО «Аларсит» Глеб Майоров.

Изображение слегка размытое, поскольку я максимально увеличила изначально небольшую фотографию, представленную на сайте фирмы, но вполне позволяющее оценить мужскую привлекательность и обаяние высокого руководства. Поиск по соцсетям результата не дал, поэтому приходится довольствоваться тем, что нашлось на сайте «Аларсита». К сожалению, моих физиогномических навыков явно недостаточно, чтобы по одному только фото анфас понять, достоин ли объект доверия и каковы мотивы его поведения.

Ведь что, собственно, вчера произошло? Увидев меня впервые в жизни, мужчина, занимающий весьма ответственный пост, напросился на знакомство и в ходе беседы довольно прозрачно намекнул на свою возможность практически беспрепятственно перемещаться по территории «Атланта». Осознавал ли господин Майоров, что тем самым он подталкивал ход моих мыслей в определенном направлении?

Полагаю, прекрасно осознавал. Он скормил мне жирную наживку, и вот я плотно сижу на крючке, не сорваться. Может ли быть, что Глеб ведет какую-то свою игру, и я радостно лезу в подготовленную для меня ловушку?

Нет, не могу в такое поверить. Слишком сложная схема и туманные перспективы.

Но тогда зачем? Зачем Глеб Майоров ввязывается во все это? Из любопытства? Из желания поиграть в детектива? Или просто я поразила его в самое сердце, и теперь он жаждет подвигов во имя прекрасной дамы?

Шутка. Хотя... Может, прекрасная дама здесь действительно замешана, только это не я, а Юля? Да, она его не знает, но это не значит, что Майоров не знает её. А мимо моей сестрички редко какой мужчина пройдет, не обернувшись...

А вдруг я все напридумывала, и моя просьба окажется для Майорова полнейшим сюрпризом? Признаюсь, я буду очень сильно разочарована. И уж точно не стану поддерживать завязавшееся знакомство. Терпеть не могу, когда слова произносятся лишь для шумового сопровождения, и за ними не следует конкретное дело.

Впрочем, что толку гадать? Ведь решение я давно приняла...

Я достаю из сумки визитку и набираю номер.

– Глеб? Это Майя. Ты сегодня уже обедал?

– Полагаю, ты хочешь что-то обсудить в связи с увольнением твоей сестры? – то ли спрашивает, то ли констатирует Глеб, устраиваясь напротив меня за столиком.

Мы сидим на террасе кафе, расположенного неподалеку от моей работы. При дневном освещении Глеб кажется еще привлекательнее, чем накануне. Меня завораживает выражение его лица – серьезное, но при этом слегка мальчишеское. Хочется понять, в чем тут секрет, но Глеб ждет ответа, так что приходится умерить свой художественный (и не только) интерес и вернуться к делам насущным.

– Угадал, – киваю я. – Мне не дают покоя эти пропавшие спецификации. Юля рассказала, что договоры, подписанные с немецкой стороны, поступили в «Атлант» в четверг вечером, она сделала копии, а оригиналы положила в папку с файлами, где были и другие бумаги по сделке. Всю пятницу сестра безвылазно сидела на месте, в понедельник ей даже в голову не пришло проверять комплектность документов, и вдруг оказывается, что исчезли приложения из двух

договоров. Поскольку каждый договор был в двух экземплярах, то всего пропало четыре документа. Юлия клянется, что в пятницу они были.

– Ты исключаешь вариант, что кто-то взял их с самой невинной целью и забыл положить обратно?

– И теперь этот кто-то боится признаться в содеянном? Вряд ли. Даже у такого труса хватило бы ума незаметно подкинуть бумаги. Засунуть их в какую-нибудь стопку, например. Или в копир. Юлины сотрудники искали везде, но безрезультатно.

– А вдруг у этого забывчивого сотрудника приступ склероза еще не прошел, и он даже не осознает, что спецификации спокойно лежат где-то в его хламе? – свою маловероятную версию Глеб выдвигает с весьма многозначительным видом.

По моей спине пробегает легкий холодок. Итак, вчерашние намеки не были пустым трепом. Разочарование мне не грозит.

– Спецификации где-то лежат... – тяну я задумчиво. – В юротделе, в чужом отделе...

Мы встречаемся глазами. Дыхание перехватывает как от дерзости идеи, невысказанной, но, безусловно, понятой, так и от замораживающего взгляда Глеба.

– Видеокамеры есть только в коридорах, – прерывает Глеб паузу. – Получить и просмотреть записи я смогу без проблем, поскольку мы еще продолжаем работу по переоснащению «Атланта».

– И тогда ты узнаешь, кто именно заходил в юротдел в четверг вечером, в пятницу и в выходные.

– Узнаю и сразу же тебе доложу.

– За сегодняшний день справишься? – наглею я.

– Непременно.

– Как, все-таки, неудобно, что нет камер в самих отделах!

– Увы.

– Что же делать?

Ну, кто первый произнесет это вслух?

Я буравлю Глеба взглядом, и он не выдерживает.

– Ты хочешь вломиться в офис и совершить обыск, я правильно понял?

– Я надеюсь ограничиться проникновением, без взлома, – признаюсь я. – Вроде бы у Юли остался ключ от юротдела. Конечно, если придется проверять другие помещения...

Лицо Глеба выражает полное удовлетворение. Но не злобное или коварное, так что мои сенсоры, настроенные на опасность, молчат, а скорее эмоционально-эстетическое. Как будто я только что оправдала его лучшие ожидания.

– Слушай, а кем ты работаешь? – неожиданно интересуется он.

– Заместитель директора по работе с клиентами – координатор проектов ООО «Комфорт и стиль», – гордо сообщаю я.

Глеб издает сдавленное хрюканье, потом не выдерживает и начинает хохотать во весь голос. Я с удивлением смотрю на это неожиданное веселье и думаю, что мне полагалось бы обидеться, но вместо этого чувствую, как рот расплывается в улыбке.

– Я просто представил, – отсмеявшись, объясняет Глеб, – как мы будем выглядеть, если попадемся: солидное руководство двух солидных организаций развлекается вечерами тем, что вламывается – пардон, проникает – на чужие охраняемые объекты.

– Никто не удивится, – отмахиваюсь я. – Ради драйва люди и не на такое идут, особенно офисные сидельцы.

– Да уж, адреналин рулит. И когда ты планируешь получить свою порцию драйва?

– Так ты согласен? Это вообще осуществимо?

– Вполне. Ты обратилась по адресу. Называй время.

– Хотелось бы сегодня.

– Давай созвонимся часов в пять. Я сообщу тебе, все ли сумел организовать, – предлагает Глеб.

– Идет.

– Значит, договорились. Тогда, может, все-таки поедим? – Глеб кивает на еду, что мы заказали сразу по приходе в кафе, но к которой пока так и не притронулись.

Я удивленно созерцаю остывший кофе. Забыть про кофе – такого со мной еще не случилось. Здорово же меня выбила из колеи перспектива совершить преступление! И что мне теперь делать с этой тепловатой бурдой?

– Оставь, – говорит Глеб, легким жестом подзывает официантку, и через пару минут я получаю чашку свежеприготовленного напитка.

Любопытно, мне что, действительно нравится, когда Глеб вот так командует и распоряжается? Удивительно!

Салаты, к счастью, испортиться не успели. Я пытаюсь есть, но понимаю, что мне кусок в горло не лезет. А все потому, что о самом главном я пока не попросила.

Эх, будь что будет!

– Глеб, есть еще кое-что.

– Излагай, – кивает Глеб, положив вилку на блюдо.

– Юлия рассказывала, что Железнов под каким-то надуманным предлогом ненадолго удалял её из кабинета.

– Кажется, я догадываюсь...

– Я хочу попасть в кабинет Железнова, – медленно произношу я, подозревая, что на этот раз захожу далековато в своих желаниях.

Глеб прищуривается и в задумчивости барабанит пальцами по столу.

– Что ж, назвался груздем, как говорится. Впрочем, не буду притворяться, будто для меня это полная неожиданность. Думаю, Железнов и является для тебя главной целью, а юридический отдел ты хочешь обыскать просто для разминки. Я угадал?

– Почти. Но я все-же не совсем сбрасываю юристов и всех прочих со счетов. В жизни чудные совпадения случаются, может, самодурство Железнова и пропажа спецификаций – звенья разных цепочек.

– Значит, – заключает Глеб, – ищем везде, где успеем. Предупреждаю, время будет ограничено.

– Пробьют часы, и мыши превратятся в охранников?

– Примерно. Извини, но мне уже пора возвращаться в офис.

– Ничего, мне тоже. Полная занятость на ближайшие три часа.

– Я позвоню.

– Спасибо!

– Пока особо не за что, – улыбается Глеб.

Он расплачивается по счету и уходит, а я еще некоторое время сижу в легком оцепенении за опустевшим столом.

Что же это получается, я действительно ввязалась в опасную, идиотскую, безрассудную авантюру? И назад пути нет?

Ладно, обойдемся без драм. Я могу дать задний ход в любой момент. Но ни за что этого не сделаю. Отказаться от приключения? Не на ту напали!

Да я уже дрожу от нетерпения!

Сентябряна

«Голубой вагон бежит, качается...» – бодро запел будильник. Неужели мне когда-то нравилась эта песенка? Будь у меня силы, швырнула бы трезвонящую дрянью о стену.

Я наугад колочу по тумбочке, пытаюсь разлепить глаза. Сколько там, семь утра? Невозможно, здесь какая-то ошибка. Я недееспособна в семь утра.

А сегодня, случаем, не вторник? Тогда у меня первый клиент в половине девятого.

Чтоб ему пусто было.

Боже, ну и ночь я провела. Кажется, ни на миг не сомкнула глаз. Да еще кошмары замучили. Минуточку, судя по кошмарам, я все-таки спала. Толку от такого сна... Сколько вариаций псевдосвадьбы мне привиделось, десяток? Отчетливо помню последний вариант. Как будто я под руку с Костиком вышагиваю по безразмерной зале по направлению к трону, на котором восседает седая дама в буклях, разглядывающая нас в лорнет – вероятно, та самая бабушка, владелица миллионов. Мы приближаемся, я пытаюсь сделать реверанс и обнаруживаю, что из одежды на мне имеется лишь кружевной комбидресс, от которого тянется трехметровый шлейф.

В других снах, помнится, я ломала каблук, теряла парик, падала во время вальса молодоженов... И все кошмары заканчивались одинаково – меня изобличали как самозванку.

Тем не менее, мысль отказаться от рискованной затеи даже не приходит мне в голову. Напротив, я ужасно боюсь, что сам Костик передумает, или эта беременная Эля не одобрит мою кандидатуру.

Я ползу в ванную и внимательно рассматриваю себя в зеркало. Зрелище, увы, к оптимизму не располагает. Волосы, как всегда, дыбом, синяки под воспаленными глазами, даже вечный румянец куда-то делся.

Реанимационные мероприятия посредством контрастного душа, капли в глаза – и на кухне я появляюсь почти ожившей.

– С добрым утром, детка, – приветствует меня мама.

Я невнятно хриплю что-то в ответ.

Сама будучи жаворонком, мамуля снисходительно относится к родичам-совам и даже по возможности старается по утрам облегчить нам жизнь, в частности готовит завтрак, заваривает чай-кофе, не пристаёт с делами и не задает вопросов до тех пор, пока мы первые не подадим голос.

Мама ставит передо мной тарелку с оладьями, сочувственно улыбается на мое невнятное приветствие и склоняется над очередным наброском. Рядом на кухонном столе разбросано еще полдюжины цветных карандашей, а парочка даже воткнута в мамины рыжие кудри.

– Что это будет? – после оладий и чая ко мне возвращается здоровое любопытство.

– Зона отдыха в нашей гостиной, – с готовностью объясняет мама.

Интересно, а рядом появится зона труда? Раньше мы всю гостиную использовали для отдыха, безо всякого зонирования. Ну хорошо, проживем – увидим.

– Да, детка, боюсь, я нашла тебе нового клиента, – сообщает мама, не отрывая глаз от бумаги.

– А почему ты этого боишься?

– Клиент с причудами.

– О, ну к этому мне в последнее время не привыкать. Что за причуды?

Мама слегка вздыхает, откладывает в сторону работу и начинает рассказывать.

– Одна состоятельная мадам наняла меня, чтобы я, как она выразилась, оживила ей особняк.

– То есть?

– У неё там хороший ремонт, современная обстановка, все очень красиво, блестяще, дорого и... неопределенно. Интерьер когда-то оформлял модный дизайнер, отражение его творческой личности еще витает в доме, а вот личность хозяйки никак не проявляется. Вот она и захотела с моей помощью исправить это упущение.

– Получилось?

– Да, знаешь, это было даже увлекательно. Каждой комнате требовалось всего лишь несколько незначительных штрихов, чтобы заиграть новыми красками: пара семейных фотографий, сувенир, подхваты для штор, часы или оригинальное покрывало... Элементарное, казалось бы, дело, но самостоятельно Карина – так зовут мою клиентку – с ним справиться не могла. У неё обнаружился настоящий комплекс – панический страх выказаться вульгарной и безвкусной особой. Мнение по самому ничтожному вопросу, касающемуся оформления, мне приходилось у неё чуть ли не клещами вытаскивать. Не знаю, откуда у Карины взялась такая фобия, но я решила ей хоть немного помочь. Я твердила Карине, что даже самая бредовая и несуразная идея не вызовет нареканий, если будет подана с достаточной уверенностью и апломбом, делала комплименты её оригинальности и тонкому чутью и, боюсь, немного перестаралась.

– В каком смысле? Клиентка забрала твою работу и стала творить сама?

– Не до такой степени. У меня, видишь ли, с холлом заминка случилась. С комнатами я справилась неплохо, а вот холл, несмотря на все мои усилия, оставлял ощущение какой-то незавершенности. Карина призналась, что никогда не имела дела с комнатными цветами и не чувствовала в них потребности, поэтому в жилых помещениях обошлось без флоры. Но поскольку с холлом ничего путного не получалось, я стала усиленно рекомендовать растения. Я рассказала Карине о вашей фирме, упомянула про твой индивидуальный подход, эксклюзивные проекты... Сперва Карина не отреагировала, но вчера неожиданно позвонила и заявила, что она хотела бы обратиться к тебе, но сомневается, сможешь ли ты удовлетворить её запросы. Суть в том, что для своего холла она хочет необычные растения.

– То есть экзотические? – морщусь я. Вот только еще одного «кусочка джунглей» мне не хватало!

– Как раз не экзотические. Карина сказала, что экзоты – это банально, а ей нужно нечто совершенно нестандартное и непривычное. Желательно такое, что еще никто и никогда не пытался выращивать в доме. Вот, собственно, вся история. У тебя есть идеи?

Я пожимаю плечами.

– Нет. Извини, но я что-то не хочу браться за подобный заказ. Сама посуди: допустим, я подберу ей какой-нибудь нетипичный цветочек, а потом она покопается в интернете и выяснит, что кто-то где-то его уже вырастил. В итоге твоя Карина разобидится и начнет и меня и всю нашу фирму на всех углах чернить, а уж как мы финансово будем разбираться, вообще боюсь представить.

– Ты, возможно, права, но я уже обещала Карине с тобой поговорить. Набросай мне несколько пусть даже самых диких вариантов, я ей все передам, она откажется, и, надеюсь, тем дело и кончится.

– Mam, ну я даже не знаю, что тут можно придумать! Ладно, предложи ей... дуб! Или крапиву. Репейник. Болотную ряску. Луговые цветочки.

– Это все? – невозмутимо уточняет мама.

– Пока да. Но, так и быть, я еще подумаю в течение дня. Может, и придет что-нибудь на ум.

– Хорошо. Дуб в концепцию холла не впишется, но остальное я Карине передам.

– Даже ряску предложишь? – хмыкаю я. – Mam, я же пошутила!

– Посмотрим, – неопределенно отвечает мама.

Мне остается только снова пожать плечами. Маме видней, о чем разговаривать с клиенткой, меня это пока не особо касается. Вот если та всерьез захочет устроить в своем доме болото, у меня возникнут некоторые проблемы, но вряд ли у богатенькой Карины настолько плохо с головой. Будем надеяться на лучшее.

Несмотря на жуткую ночь, с работой сегодня я справляюсь совсем неплохо. Пару раз даже удастся выдать весьма интересные идеи. Очевидно, поведенная Костиком невероятная история в сочетании с нервным перевозбуждением положительно сказались на моих творческих способностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.